

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень анализируемых научных изданий ВАК

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 26. № 10.
Октябрь 2019 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ведев Алексей Леонидович — доктор экономических наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Моргунов Вячеслав Иванович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дробышевский Сергей Михайлович — доктор экономических наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Золотарева Анна Борисовна — кандидат юридических наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Кадочников Павел Анатольевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Радьгин Александр Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Синельников-Мурылев Сергей Германович — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2019

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is in the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 26. № 10.
October 2019**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Vedev, Aleksey Leonidovich — Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Morgunov, Vyacheslav Ivanovich — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Drobyshevsky, Sergey Mikhailovich — Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Zolotareva, Anna Borisovna — Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Ye.T. Gaidar of the Institute for Economic Policy

Kadochnikov, Pavel Anatolievich — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Real Sector, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Radygin, Alexander Dmitrievich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Sinelnikov-Murylev, Sergey Germanovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Starodubrovskaya, Irina Viktorovna — Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Developments, 2019

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Федеральный бюджет в первом полугодии 2019 г.: доля НДС в налоговых доходах растёт. Тищенко Т. В., Белёв С. Г. 4

Индекс неопределенности цен экспортируемых Россией сырьевых товаров в первом полугодии 2019 г. Нестерова К. В. 10

Валютный канал денежной трансмиссии при инфляционном таргетировании. Гребенкина А. М. 14

Торговые войны: первые эффекты. Кнобель А. Ю., Пыжиков Н. С. 24

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Промышленность в сентябре 2019 г.: стабильность спроса как препятствие к росту. Цухло С. В. 28

Хозяйственное обозрение (июль–октябрь 2019 г.). Аукуционек С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Беляков С. В. 31

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Особенности ценообразования на рынках онлайн–торговли г. Москвы. Евсеев А. С. 39

КОНТРОЛЬНО–НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мониторинг реформы государственного контроля глазами граждан. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. 45

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Продолжительность жизни и смертность населения в 2018 г. Хасанова Р. Р. 50

РЕГИОНЫ

Региональные бюджеты в январе–июле 2019 г.: рост доходов замедляется. Дерюгин А. Н. 54

Российские регионы в январе–июле 2019 г.: сочетание роста, стагнации и спада. Зубаревич Н. В. 58

Contents

MACROECONOMICS

Federal Budget in H1 2019: VAT Share in Tax Revenues up. Tischenko T. V., Belev S. G.	4
Price Uncertainty Index of Russian-Exported Commodities in H1 2019. Nesterova K. V.	10
Exchange Rate Channel of Monetary Transmission Mechanism under Inflation Targeting, Grebenkina A. M.	14
Trade Wars: First Effects. Knobel A. Yu., Pyzhikov N. S.	24

INDUSTRY

Industry in September 2019: Demand Constancy as an Obstacle to Growth. Tsukhlo S. V.	28
Survey of Current Business (July–October 2019). Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Bachirova I. A., Belyakov S. V.	31

INNOVATION ECONOMY

Features of Price Setting Behavior in the Moscow E-Commerce Market. Evseev A. S.	39
---	----

CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITY

Government Supervision and Control Reform from the Public Viewpoint. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E. I., Pokida A. N., Zybunovskaya N. V.	45
---	----

DEMOGRAPHIC PROCESSES

Life Expectancy and Mortality Rate in 2018. Khasanova R. R.	50
--	----

REGIONS

Regional Budgets for January–July 2019: Growth of Revenues Shifts into Low Gear. Deryugin A. N.	54
Russian Regions in January–July 2019: Mix of Growth, Stagnation and Slump. Zubarevich N. V.	58

Макроэкономика

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2019 г.: ДОЛЯ НДС В НАЛОГОВЫХ ДОХОДАХ РАСТЕТ*

Т. В. ТИЩЕНКО
С. Г. БЕЛЁВ

Доходы федерального бюджета по итогам первого полугодия 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года выросли на 0,4 п.п. ВВП — в первую очередь за счет повышения ставки НДС с 18 до 20%, и одновременно произошло сокращение расходов на 0,9 п.п. ВВП. В результате федеральный бюджет исполнен с профицитом в 3,3% ВВП. Однако такие результаты не дают повода для оптимизма, особенно с точки зрения рисков для доходной части бюджета. Так, цены на нефть могут снизиться, акцизы не являются существенным источником пополнения бюджета, а увеличение ставки НДС негативно сказалось на внутреннем потреблении и импорте.

Во втором полугодии следует ожидать значительного роста расходов, поскольку кассовое исполнение бюджета, особенно по отдельным национальным проектам, в первом полугодии серьезно запаздывало. Соответственно, профицит федерального бюджета может снизиться.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы, нефтегазовые доходы, ненефтегазовые доходы, расходы, налоги, государственный внешний долг.

По оперативным данным Федерального казначейства, доходы федерального бюджета за первое полугодие 2019 г. выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 923,2 млрд. руб. — до 18,6% ВВП. Нефтегазовые доходы увеличились на 186,9 млрд. руб., однако относительно ВВП они сократились на 0,3 п.п. Доля нефтегазовой компоненты в структуре доходов федерального бюджета за январь-июнь текущего года составила 43,1% при средней цене на нефть марки Urals 65,63 долл./барр¹ против 45,6% в соответствующем периоде 2018 г. при цене на нефть в 68,83 долл./барр. (См. табл. 1.)

Прирост ненефтегазовой компоненты за рассматриваемый период составил 736,3 млрд. руб., или 0,7 п.п. ВВП. Фактическое исполнение доходной части за первое полуго-

дие составило 47,3% от прогнозируемого годового объема (за тот же период 2018 г. — 44,3%), в том числе по нефтегазовым доходам — 50% и по ненефтегазовым поступлениям — 45,5% против 43,6 и 44,9% соответственно за январь-июнь предыдущего года.

Расходы относительно первых шести месяцев 2018 г. в абсолютном выражении выросли за исследуемый период на 175,1 млрд. руб., при этом в долях ВВП они сократились на 0,9 п.п. ВВП при сопоставимых уровнях кассового исполнения бюджета (42,2% против 45,9%).

Профицит федерального бюджета по итогам первого полугодия 2019 г. составил 3,3% ВВП (1695,8 млрд. руб.), что на 1,3 п.п., или на 748,1 млрд. руб., выше положительного сальдо исполнения бюджета за аналогичный пе-

Тищенко Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tishenko@iep.ru; Белёв Сергей Геннадьевич, заведующий лабораторией бюджетной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: belev@iep.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 14 (97) (сентябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ Согласно Пояснительной записке к проекту федерального бюджета на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 годов среднегодовая цена на нефть марки Urals в 2019 г. прогнозировалась в размере 63,4 долл./барр.

риод 2018 г. Следует отдельно отметить продолжающееся сокращение нефтегазового дефицита – с 6,3 до 4,7% ВВП, или на 561,2 млрд. руб.

За январь-июнь 2019 г. налоговые доходы выросли к уровню первого полугодия 2018 г. на 805,5 млрд. руб. Доля налоговых поступлений в общем объеме доходов федерального бюджета составила 92,4% против 93,0% за предыдущий период. Рост налоговых поступлений обусловлен преимущественно динамикой поступлений от НДС и НДС, которые продемонстрировали рост относительно аналогичного периода 2018 г. соответственно на 462,7 и 500,7 млрд. руб. (См. табл. 2.)

Прирост поступлений от НДС связан с тем, что, хотя в среднем цена нефть была ниже на 3 долл./барр., эффект от снижения курса рубля оказался сильнее (в первом полугодии

2019 г. – в среднем 65 руб./долл., в первом полугодии 2018 г. – в среднем 59 руб./долл.). (См. рисунок.) В 2019 г. базовое значение ставки НДС осталось на уровне 340 руб./т; вклад в изменение итогового значения ставки внеся динамика курса рубля. Помимо этого с июня 2019 г. началось падение цен на нефть. Если нефтяные цены стабилизируются на низком уровне, следует ожидать во втором полугодии по сравнению с тем же периодом 2018 г. снижения поступлений НДС.

Результаты повышения основной ставки НДС² с 18 до 20% с начала 2019 г. проявились только во втором квартале в связи с особенностями периода уплаты налога в бюджет³. Поступления по НДС за первый квартал текущего года шли с налогооблагаемых операций, совершенных в четвертом квартале 2018 г., когда еще действовала основная ставка НДС

Таблица 1
Основные параметры исполнения федерального бюджета за первое полугодие 2018 и 2019 гг.

	Первое полугодие 2018 г.			Первое полугодие 2019 г.			Изменение	
	млрд. руб.	% ВВП	в % от фактического объема	млрд. руб.	% ВВП	в % от планируемого объема*	млрд. руб.	п.п. ВВП
Доходы	8626,7	18,2	44,3	9549,9	18,6	47,3	923,2	0,4
в том числе:								
Нефтегазовые	3935,0	8,3	43,6	4121,9	8,0	50,0	186,9	-0,3
Ненефтегазовые	4691,7	9,9	44,9	5428,0	10,6	45,5	736,3	0,7
Расходы	7679,0	16,2	45,9	7854,1	15,3	42,2	175,1	-0,9
в том числе:								
Процентные	383,5	0,8	47,6	356,4	0,7	41,8	-27,1	-0,1
Непроцентные	7295,5	15,4	45,8	7497,7	14,6	42,1	202,2	-0,8
Профицит (+) / Дефицит (-)	947,7	2,0		1695,8	3,3		748,1	1,3
Ненефтегазовый профицит (+) / дефицит (-)	-2987,3	-6,3		-2126,1	-4,7		561,2	1,6
<i>Справочно: ВВП (в текущих ценах), млрд. руб.**</i>		47 262			51 200		-	

* – С учетом изменений в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 175-ФЗ.

** – Предварительная оценка для первого полугодия 2019 г.

Источник: Минфин России, Росстат, Федеральное казначейство, расчеты авторов.

² Льготные ставки НДС (например, 10% для отдельных категорий продовольственных товаров, лекарств, детских товаров и т.п.) не были изменены.

³ Согласно п. 1 ст. 174 НК РФ уплата НДС в бюджет производится ежемесячно до 25-го числа в течение квартала, следующего за отчетным периодом, равными долями от суммы налога, исчисленной с налоговой базы за прошлый квартал.

в 18%. Платежи за второй квартал 2019 г. совершались уже по основной ставке НДС в 20%. В то же время на поступлениях НДС в первом квартале 2019 г. могло сказаться изменение поведения потребителей, которые в ожидании повышения основной ставки НДС с января 2019 г. и связанного с этим роста цен могли перенести часть своих трат на конец 2018 г. Оборот и продовольственных товаров (в меньшей степени затронутых повышением основной ставки), и непродовольственных в январе 2019 г. составил около 75% от оборота декабря 2018 г.⁴ Уровень января 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. по розничному обороту продовольственных и непродовольственных товаров составил те же 75%⁵. Эти данные косвенно свидетельствуют о том, что какого-либо значимого переноса налоговой базы между январем 2019 г. и декабрем 2018 г. не наблюдалось. Отчасти это обусловлено предупрежда-

щим ростом цен, наблюдавшимся во второй половине 2018 г., что, в свою очередь, несколько сдерживало потребительский спрос.

Затухающая, но все еще положительная динамика налоговой базы в постоянных ценах, а также повысившаяся ставка налога обеспечили дополнительные поступления в федеральный бюджет от НДС на товары, реализуемые на территории страны, в размере более чем 300 млрд. руб. Поступления в доходную часть федерального бюджета по НДС на товары, ввозимые на территорию РФ, по итогам января-июня 2019 г. также увеличились относительно аналогичного периода предыдущего года немногим менее чем на 200 млрд. руб., или на 0,2 п.п. ВВП. Импорт в долларовом эквиваленте незначительно вырос, а курс доллара оказался несколько выше относительно того же периода прошлого года, что привело к росту налоговой базы НДС по импорту. Однако

Таблица 2
Поступления основных налогов в федеральный бюджет в первом полугодии 2018 и 2019 гг.

	Первое полугодие 2018 г.			Первое полугодие 2019 г.			Изменение	
	млрд. руб.	% ВВП	в % от фактического объема	млрд. руб.	% ВВП	в % от прогнозируемого объема	млрд. руб.	п.п. ВВП
Налоговые доходы – всего	8019,8	17,0		8825,3	17,2		805,5	0,2
в том числе:								
Налог на прибыль организаций	457,7	1,0	46,0	585,8	1,1	51,9	128,1	0,1
НДС на товары, реализуемые на территории РФ	1752,6	3,7	49,0	2059,6	4,0	50,0	307,0	0,3
НДС на товары, ввозимые на территорию РФ	1105,5	2,3	45,2	1299,2	2,5	44,7	193,7	0,2
Акцизы на товары, производимые на территории РФ	415,9	0,9	48,3	205,0	0,4	20,9	-210,9	-0,5
в том числе акцизы на нефтяное сырье, отправленное на переработку	0,0	0,0		-175,1	-0,3		-175,1	-0,3
Акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ	41,6	0,08	43,3	40,0	0,08	41,2	-1,6	0,0
НДПИ	2679,2	5,7	44,2	3141,9	6,1	51,4	462,7	0,4
Доходы от внешнеэкономической деятельности	1567,3	3,3	42,2	1493,8	2,9	49,9	-73,5	-0,4

Источник: Федеральное казначейство (оперативные данные), расчеты авторов.

⁴ С поправкой на продовольственную и непродовольственную инфляцию.

⁵ То же.

темпы увеличения импорта оказались ниже, чем в аналогичный прошлый год.

Таким образом, повышение основной ставки НДС стало главной причиной увеличения нефтегазовых поступлений в федеральный бюджет. Вероятно, по итогам года доля НДС в налоговых доходах федерального бюджета вырастет с 35 до 40%. Рост поступлений по налогу на прибыль обусловлен тем, что, по данным Росстата, прибыль прибыльных организаций выросла в первом квартале 2019 г. в годовом выражении примерно на 40%.

Сокращение поступлений в федеральный бюджет за январь-июнь текущего года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего отмечается по доходам от внешнеэкономической деятельности на 0,4 п.п., или на 73,5 млрд. руб., при сопоставимых уровнях кассового исполнения бюджета, а также по «внутренним» акцизам, объем которых сократился на 0,5 п.п. ВВП, или на 210,9 млрд. руб. Это результат реализации налогового маневра в нефтегазовом секторе. Кроме того, в рамках его осуществления предусмотрено введение так называемого «отрицательного акциза». Его цель — сдержать повышение цен на топливо, провоцируемое ростом базовых ставок НДС, путем фактического субсидирования нефте-

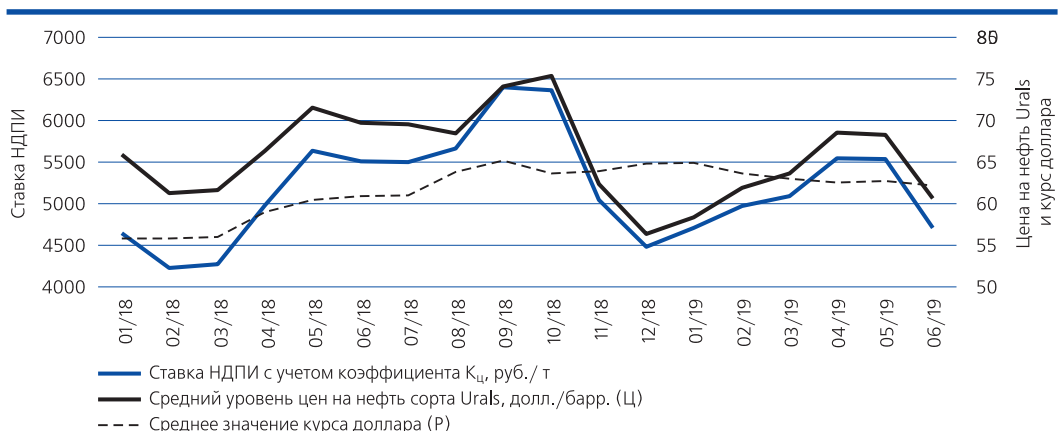
переработки через снижение акциза на нефтепродукты при выполнении определенных условий. Без учета эффекта «отрицательного акциза», который привел к сокращению поступлений на 0,3 п.п. ВВП, или на 175,1 млрд. руб., доходы по внутренним акцизам составили бы 380 млрд. руб., или 0,7 п.п. ВВП, а кассовое исполнение составило бы 38,8% против фактического значения (с учетом «отрицательного акциза») в 20,9%.

Следует отметить, что еще на 0,1 п.п. ВВП сократились поступления по акцизам и на табачную продукцию, и на автомобильный бензин. Доходы федерального бюджета по «импортным» акцизам относительно ВВП не изменились и составили 0,08% ВВП.

В разрезе функциональной классификации расходов федерального бюджета за первое полугодие 2019 г. относительно соответствующего периода 2018 г. (см. табл. 3) отмечаются следующие изменения:

- снижение расходов в долях ВВП на национальную оборону и социальную политику на 0,4 и 0,2 п.п. ВВП соответственно и на 0,1 п.п. ВВП по каждому из следующих разделов: «Общегосударственные вопросы», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», «Национальная

Ставка НДС, курс доллара и цена на нефть сорта Urals

Источник: ФНС, расчеты авторов.

экономика», «Образование», «Обслуживание государственного долга» и «Межбюджетные трансферты»;

- увеличение расходов на 0,1 п.п. ВВП по разделам «Охрана окружающей среды», «Здравоохранение» и «Физическая культура и спорт»;
- по остальным разделам расходы в долях ВВП не изменились.

Сравнительно низкий уровень кассового исполнения бюджета за первую половину текущего, как и предыдущего года, отмечается по разделам «Национальная экономика» (29,7%), «Культура и кинематография» (29,6%), «Физическая культура и спорт» (27,6%).

По федеральным проектам, реализуемым в рамках национальных проектов, фактическое исполнение бюджета за январь-июнь 2019 г.

составило 558,8 млрд. руб., или 32,4% от утвержденных расходов с учетом изменений (1723,0 млрд. руб.). По ряду федеральных проектов средства практически не расходовались: по проекту «Безопасность дорожного движения» было потрачено лишь 1,8%, по «Цифровому государственному управлению» – 4,4%, по проекту «Успех каждого ребенка» – 6,7%. Чрезвычайно низкий уровень кассового исполнения этих федеральных проектов ставит под угрозу достижение запланированных на текущий год параметров.

В целом риски бюджетной устойчивости в краткосрочном периоде минимальны. В то же время вызывает сомнения возможность сохранить достигнутый уровень нефтегазового дефицита в преддверии традиционно более высокого уровня кассового исполнения расходов во второй половине года. ■

Таблица 3

Расходы федерального бюджета в первом полугодии 2018 и 2019 гг.

	Первое полугодие 2018 г.			Первое полугодие 2019 г.			Изменение	
	млрд. руб.	% ВВП	в % от фактического объема	млрд. руб.	% ВВП	в % от кассового исполнения	млрд. руб.	п.п. ВВП
Расходы – всего	7679,0	16,2	45,9	7854,1	15,3	42,2	175,1	-0,9
в том числе:								
Общегосударственные вопросы	530,6	1,1	42,2	532,1	1,0	33,1	1,5	-0,1
Национальная оборона	1434,5	3,0	50,7	1354,3	2,6	42,6	-80,2	-0,4
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	853,0	1,8	43,3	867,1	1,7	38,6	14,1	-0,1
Национальная экономика	823,6	1,7	34,3	828,7	1,6	29,7	5,1	-0,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	77,1	0,2	51,8	118,3	0,2	50,2	41,2	0,0
Охрана окружающей среды	66,1	0,1	57,0	107,2	0,2	57,4	41,1	0,1
Образование	402,0	0,9	55,6	400,5	0,8	45,7	-1,5	-0,1
Культура и кинематография	42,1	0,1	44,4	41,6	0,1	29,6	-0,5	0,0
Здравоохранение	225,2	0,5	41,9	312,6	0,6	44,0	87,4	0,1
Социальная политика	2337,8	5,0	51,0	2447,7	4,8	50,4	109,9	-0,2
Физическая культура и спорт	23,7	0,1	37,1	19,5	0,0	27,6	-4,2	0,1
СМИ	35,6	0,1	40,2	34,2	0,1	40,4	-1,4	0,0
Обслуживание государственного долга	383,5	0,8	47,6	356,4	0,7	41,8	-27,1	-0,1
Межбюджетные трансферты	444,0	0,9	40,5	434,0	0,8	44,9	-10	-0,1

Источник: Федеральное казначейство, расчеты авторов.

Federal Budget in H1 2019: VAT Share in Tax Revenues up

Tatyana V. Tischenko – Senior Researcher of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tishenko@iep.ru

Sergey G. Belev – Head of Budget Policy Department of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: belev@iep.ru

The federal budget revenues by H1 2019-end moved up by 0.4 p.p. of GDP against the same period of the previous year, first of all, due to increased VAT rate from 18 to 20%. Simultaneously, expenditures have contracted by 0.9 p.p. of GDP. As a result, the federal budget was executed with surplus amounting to 3.3% of GDP. However, these results do not give occasion for optimism especially from the point of view of risks for the revenues part of the budget. For example, oil prices can go down, excises are not the significant source of the budget replenishment and the VAT rate increase has adversely affected domestic consumption and imports.

One should expect significant growth of expenditure in H2 as long as cash execution especially of certain national projects was lagging behind during H1. Consequently, the federal budget surplus can decline.

Key words: federal budget, taxes, revenues, oil and gas revenues, non-oil and gas revenues, expenditures, state foreign debt.

ИНДЕКС НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЦЕН ЭКСПОРТИРУЕМЫХ РОССИЕЙ СЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2019 г.

К. В. НЕСТЕРОВА

Динамика индекса неопределенности мировых цен экспортируемых Россией сырьевых товаров в первом полугодии 2019 г. стабилизировалась на уровне конца 2018 г. после его резкого повышения в течение второго полугодия 2018 г., что указывает на сохранение сдерживающего влияния на экономический рост неопределенности цен на сырьевой экспорт.

Ключевые слова: экспорт, сырьевые товары, индекс цен, неопределенность.

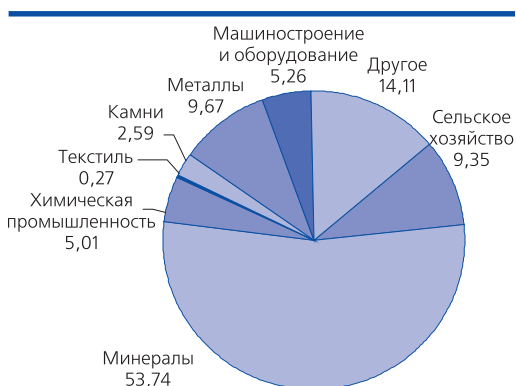
В последние годы в академических и политических кругах часто затрагивается проблема неопределенности относительно будущих значений фундаментальных макроэкономических показателей. Согласно выводам ряда академических работ неопределенность в экономической конъюнктуре, ассоциируемая с повышенными рисками при принятии решений экономическими агентами, оказывает отрицательное влияние на экономический рост, сдерживает инвестиции. В эмпирических исследованиях для ряда стран, включая Россию, были построены индексы неопределенности эконо-

мической политики, индексы геополитических рисков, индексы финансового стресса, индикаторы финансовой стабильности и др.

В отношении же России можно выделить другой важный для экономического развития страны источник неопределенности — непредсказуемость мировых цен на сырьевые товары, в частности на углеводороды. Одной из особенностей российской экономики является высокая доля сырьевых товаров, в первую очередь нефти и газа, в экспорте. На сегодняшний день она остается на высоком уровне, не демонстрируя тенденции к снижению. При этом цены на ресурсы подвержены значительным колебаниям. Амплитуда таких колебаний может меняться в зависимости от текущих настроений на мировых рынках и ожиданий относительно будущего роста крупнейших мировых экономик.

Высокая волатильность цен основных статей национального экспорта может отрицательно сказываться на деловой активности. В частности, это затрудняет прогнозирование отдачи от инвестиционных проектов фирм-экспортеров, что снижает стимулы к инвестированию. В свою очередь, неопределенность будущих цен экспортируемых товаров также оказывает влияние на общий уровень доходов в экономике и осложняет его прогнозирование. Это затрудняет принятие решений о сбережениях и потреблении домохозяйствами.

Рис. 1. Структура российского экспорта в 2018 г. в классификации HS1, в %

Источник: Comtrade.

Нестерова Кристина Владимировна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: nesterovakV@ranepa.ru

С этой точки зрения представляется актуальной оценка неопределенности, касающейся будущей динамики цен на российский сырьевой экспорт, в целях прогнозирования деловой активности в стране.

Динамика индекса неопределенности мировых цен на экспортируемые Россией сырьевые товары в первом полугодии 2019 г. продемонстрировала тенденцию к стабилизации на уровне конца 2018 г. после его резкого роста (в 1,7 раза) в течение второго полугодия 2018 г. Закрепление значения индекса на относительно высоком уровне свидетельствует о сохранении сдерживающего влияния на экономический рост неопределенности цен на сырьевой экспорт. В результате усиления неопределенности по сравнению с 2018 г. рост реально-го ВВП в 2019 г. замедлится на 0,07–0,27%.

Структура экспорта в российской экономике

В экспортной корзине российской экономики преобладают сырьевые товары, в первую очередь ископаемое топливо. По данным базы статданных Comtrade, в 2018 г. его доля в российском экспорте составила 53,74%. Вторым по стоимостному объему экспорта ресурсом являются металлы — их суммарная доля в экспорте в 2018 г. составила 9,67%. Далее следует продукция сельскохозяйственного сектора, составившая 9,35% экспорта, — половина данного объема приходилась на экспорт древесины и зерна, в основном пшеницы. (См. рис. 1.)

На рис. 2 и 3 представлена динамика мировых цен в долларах США на основные товары, экспортируемые Россией: нефть, природный газ, уголь, железную руду, алюминий, золото, платину и медь. Как можно заметить, колебания цен на данные товары являются существенными. Так, в период перегрева мировой экономики, предшествовавший мировому финансовому кризису 2008 г., наблюдалось

резкое повышение цен на ископаемое топливо и металлы. Затем, в ходе замедления роста мировой экономики, цены на эти товары снижались, далее последовал период частичной коррекции. В 2014–2015 гг. главной причиной снижения цен на указанные ресурсы послужило замедление экономического роста в Китае.

Индекс неопределенности цен экспортируемых Россией сырьевых товаров

Чтобы получить количественную оценку уровня неопределенности относительно цен сырьевых товаров, экспортируемых Россией, построим сводный индекс на основе данных Всемирного банка о мировых ценах на 46 сырьевых товаров (World Bank Pink Sheet) за январь 1997 г. — август 2019 г. В качестве весов для каждого товара используем его долю в совокупном экспорте по данным Comtrade. Мера неопределенности по каждому товару в отдельности рассчитывается по методологии, описанной в статье Куровского и Полбина (2017)¹, и представляет собой дисперсию ошибки прогноза цены товара, которая оценивается на основе модели стохастической волатильности. Далее полученные дисперсии ценовых шоков отдельных товаров агрегируются в сводный индекс с учетом их коррелированности и доли в совокупном экспорте.

На рис. 4 представлена динамика построенного нами индекса неопределенности цен основных экспортируемых Россией сырьевых товаров за январь 1997 г. — август 2019 г. На рисунке видны пики в значениях показателя в 2008 и 2014 гг., соответствующие спадам в российской экономике. Резкое повышение индекса, начавшееся в марте 2008 г., предшествовало падению реального ВВП страны во втором полугодии 2008 г. В 2013 г. значение индекса достигло исторического минимума. Другое заметное увеличение показателя наблю-

¹ Куровский Г.С., Полбин А.В. Построение индекса волатильности цен товаров российского экспорта // Деньги и кредит. 2017. № 11. С. 59–65.

далось с июня 2014 г. и соответствовало последующей рецессии, начавшейся в ноябре 2014 г.

Во второй половине 2018 г. было отмечено резкое повышение уровня неопределенности (почти в 1,7 раза), однако в первом полугодии 2019 г. эта тенденция прервалась и индекс не достиг значений, характеризовавших предыдущие рецессии. На сегодня динамика индекса выглядит относительно стабильной (с фев-

раля по август 2019 г. колебания его значений не превышали 8%), что указывает на отсутствие дальнейшего рецессионного давления данного фактора на экономику.

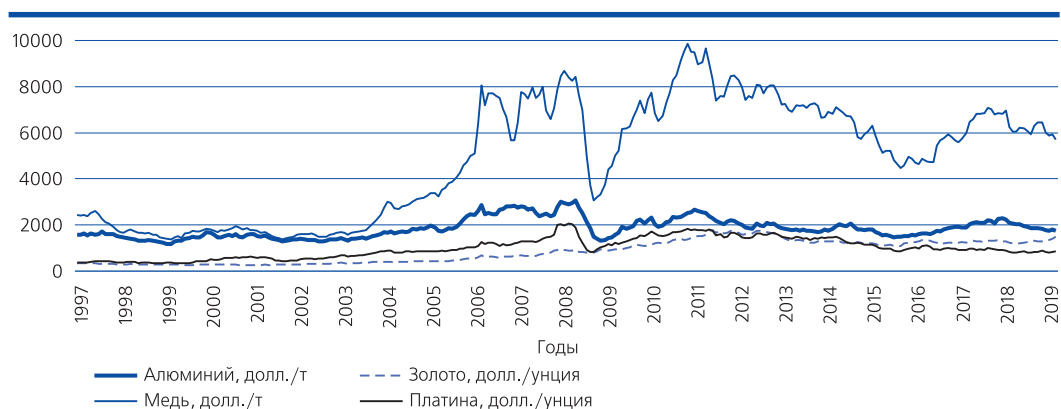
Тем не менее уровень неопределенности остается на довольно высоком уровне и не демонстрирует тенденции к снижению, что также не создает стимулов для усиления деловой активности и является значимым ограничителем для экономического роста. Согласно

Рис. 2. Динамика мировых цен на ископаемое топливо и черные металлы в январе 1997 г. – августе 2019 г.

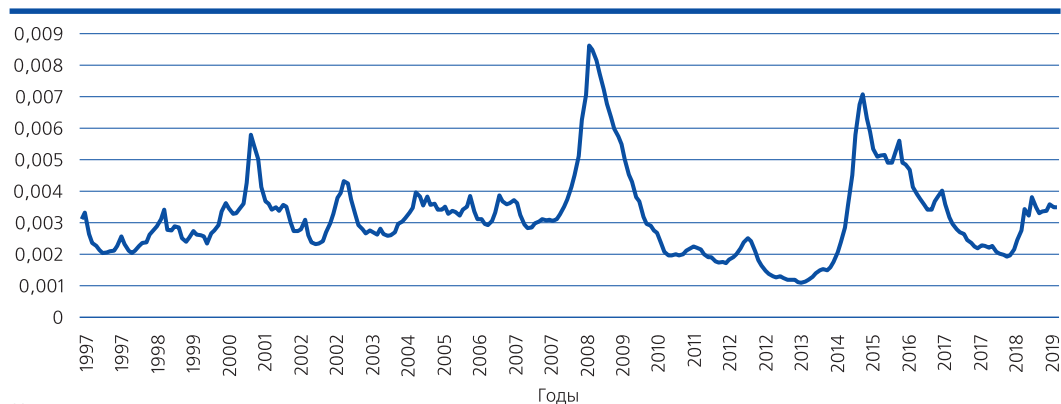
Источник: Всемирный банк (Pink sheet).

Рис. 3. Динамика мировых цен на цветные и драгоценные металлы в январе 1997 г. – августе 2019 г.

Источник: Всемирный банк (Pink sheet).

Рис. 4. Индекс неопределенности цен экспортируемых Россией сырьевых товаров в январе 1997 г. – августе 2019 г.

Источник: построено автором.

оценкам, полученным нами на основе панельной регрессии по 188 странам за 1988–2017 гг., отмеченный скачок уровня неопределенности замедлит рост реального ВВП РФ в 2019 г. на

0,17% (со стандартным отклонением в 0,05%), а также валового накопления капитала на 0,81% (со стандартным отклонением в 0,44%). ■

Price Uncertainty Index of Russian-Exported Commodities in H1 2019

Kristina V. Nesterova – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail nesterovakv@ranepa.ru

Dynamics of the index of world prices uncertainty on commodities exported by Russia in H1 2019 stabilized at the 2018-end level following its sharp increase in H2 2018, which marks the retention of the downward pressure of the world prices uncertainty on commodities exports on economic growth.

Key words: export, commodities, price index, uncertainty.

ВАЛЮТНЫЙ КАНАЛ ДЕНЕЖНОЙ ТРАНСМИССИИ ПРИ ИНФЛЯЦИОННОМ ТАРГЕТИРОВАНИИ

А. М. ГРЕБЕНКИНА

В статье специфицируется понятие валютного канала денежной трансмиссии в широком смысле с учетом эффектов со стороны мирового финансового и товарного рынков и обосновываются особенности работы данного канала в странах, придерживающихся режима инфляционного таргетирования денежно-кредитной политики.

С использованием подхода кейс-стади в работе выявлены некоторые характеристики валютного канала. К их числу относятся значительная экзогенность канала, неоднородность эффекта переноса валютного курса в цены, возможность использования канала в рамках нестандартной денежно-кредитной политики в целях преодоления стагнации и ловушки ликвидности, а также отчетливые стимулы отдельных групп стран (прежде всего стран — финансовых центров и стран — экспортеров сырьевых товаров и продукции обрабатывающего производства) к управлению курсовыми ожиданиями, в частности в целях «охлаждения» ожиданий чрезмерного повышения курса национальных валют.

Ключевые слова: механизм денежной трансмиссии, валютный канал, инфляционное таргетирование, сравнительный анализ стран.

В процессе либерализации режима валютного курса и перехода стран к режиму инфляционного таргетирования в денежно-кредитной политике (далее — ИТ ДКП) номинальный валютный курс перестает выступать операционным индикатором денежно-кредитной политики, однако канал валютного курса продолжает относиться к числу основных каналов денежной трансмиссии и исследуется в актуальных работах Европейского центрального банка [12], Резервного банка Австралии [9], Национального банка Польши [16] и центральных банков других стран.

Определение канала валютного курса денежной трансмиссии может быть достаточно узким, если под ним понимается то, как изменение ключевой ставки центрального банка влияет на курс национальной валюты и как курс влияет на показатель чистого экспорта и в результате — на совокупный спрос и инфляцию.

В более широком понимании канал валютного курса денежной трансмиссии — это не только канал валютного курса трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики центрального банка, но и совокупность экзогенных

факторов, в частности, со стороны мирового товарного и мирового финансового рынков, оказывающих влияние на курс национальной валюты. (См. рис. 1.) Из рисунка видны многоаспектность валютного канала денежной трансмиссии, его чувствительность к шокам со стороны внешнего мира, а также неоднозначность эффектов для показателя совокупного спроса. Так, укрепление номинального валютного курса может приводить не только к сужению совокупного спроса вследствие снижения чистого экспорта (эффект в рамках торговой компоненты канала в терминах рис. 1), но и к его расширению в случае большого количества агентов-заемщиков в иностранной валюте и преобладания эффекта роста их благосостояния над другими эффектами (эффект в рамках финансовой компоненты канала в терминах рис. 1).

Вследствие своей многоаспектности валютный канал денежной трансмиссии редко изучается во всем многообразии и исследовательская задача сводится к изучению одной из трех компонент канала: торговой (см., например, [13]), финансовой (см., например, [19, 20]) или инфляционной¹ в терминах рис. 1.

Гребенкина Алина Михайловна, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: grebenkina-am@ranepa.ru

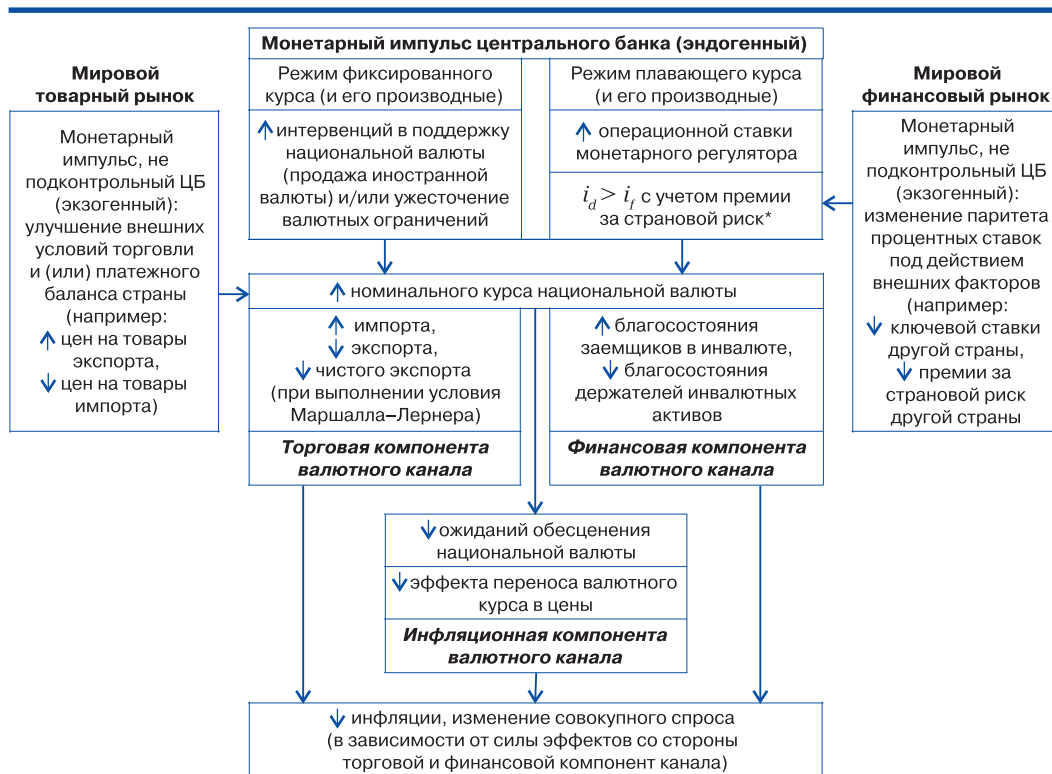
¹ Инфляционная компонента канала валютного курса исследуется в работах, посвященных анализу эффекта переноса валютного курса. Некоторые из работ по оценке эффекта переноса в России представлены далее.

Роль валютного канала денежной трансмиссии в странах с режимом инфляционного таргетирования

Работа валютного канала денежной трансмиссии различается в странах в зависимости от режима денежно-кредитной политики, в частности режима валютного курса (информацию о режимах ежегодно агрегирует МВФ), а также от степени финансовой открытости страны. В качестве показателя степени финансовой открытости страны может быть использован индекс *Kaopen*, известный также как индекс *Chinn-Ito*, предложенный в 2008 г. [15]. Индекс рассчитывается на основании четырех

качественных бинарных переменных, публикуемых в Ежегодном мониторинге режимов валютного курса МВФ [17], и измеряется в диапазоне от 0 до 1, где 0 соответствует полной финансовой закрытости страны, а 1 – ее полной финансовой открытости. На рис. 2 и 3 показано, каким образом страны распределены по парам параметров – режим валютного курса и режим денежно-кредитной политики, а также режим валютного курса и степень финансовой открытости – в 2018 и в 2014 г. В целях большей наглядности 10 режимов валютного курса, классифицируемых МВФ, агрегированы в 4 группы от наиболее к наименее либеральным².

Рис. 1. Схема работы валютного канала денежной трансмиссии (случай укрепления номинального курса национальной валюты)

* – Обозначения: i_d – номинальная ставка процента в отечественной экономике, i_f – номинальная ставка процента за рубежом.

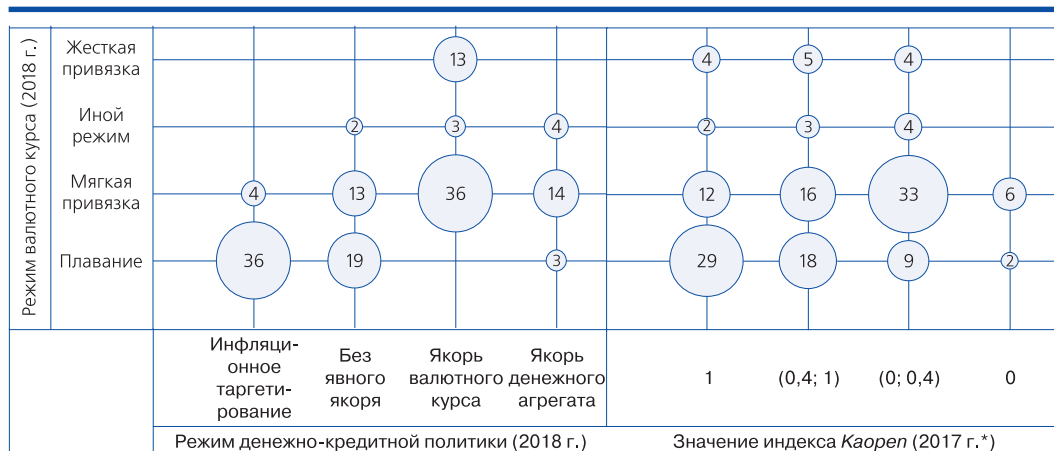
Источник: составлено автором.

² Группа режимов «плавание» включает режим плавания и свободного плавания; группа режимов «мягкая привязка» включает

Согласно данным рис. 2 наибольшая доля стран придерживается одновременно режима плавания валютного курса (в том числе сво-

бодного плавания) и режима ИТ ДКП (24,5% стран из выборки). Аналогичный показатель в 2014 г. составлял только 18,2%. (См. рис. 3.)

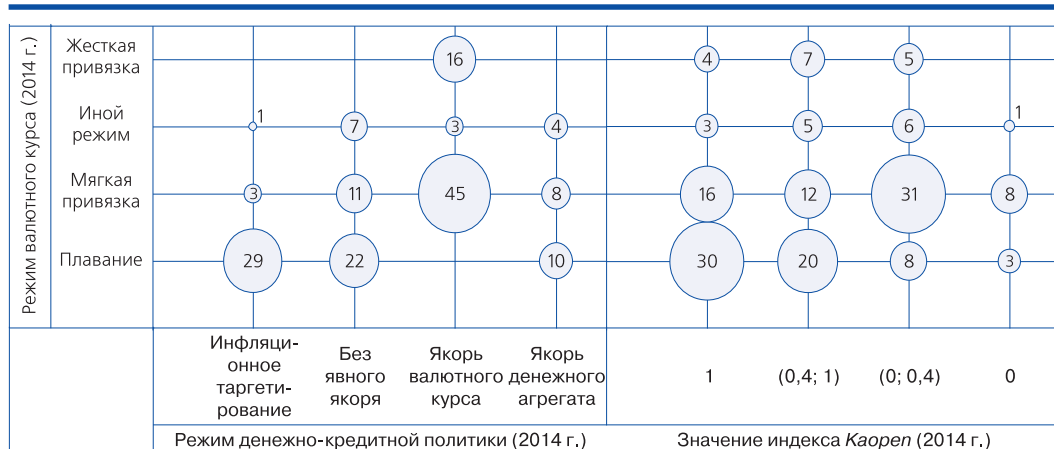
Рис. 2. Распределение стран по парам параметров работы валютного канала денежной трансмиссии в 2018 г.

* – Наиболее актуальное значение – по состоянию на третий квартал 2019 г. Выборка стран ограничена данными по индексу *Каорел* за соответствующие годы.

Источник: расчет автора по данным МВФ о параметрах режима валютного курса и режима денежно-кредитной политики в 147 странах в 2018 г.

Рис. 3. Распределение стран по парам параметров работы валютного канала денежной трансмиссии в 2014 г.

Источник: расчет автора по данным МВФ о параметрах режима валютного курса и режима денежно-кредитной политики в 159 странах в 2014 г.

режим привязки, стабилизирующей привязки, ползущей привязки, наклонного коридора и горизонтального коридора; группа режимов «жесткая привязка» включает режим валютного управления и режим отсутствия национального платежного средства.

В сумме со странами, не имеющими одного явного якоря денежно-кредитной политики (в эту категорию попадают такие страны, как США, Австрия, Бельгия, Германия, Франция, Швейцария и др.), доля стран с наиболее либеральным режимом валютного курса доходит до 37,4% (против 27,9% в 2014 г.). При этом, согласно данным рис. 2 и 3, либеральный режим валютного курса наиболее часто сопровождается достаточной финансовой открытостью (свыше значения 0,4 нормированного индекса *Каорен*), и примерно 32% стран мира придерживаются режима плавающего валютного курса и одновременно высокой финансовой открытости. Начиная с 2014 г., а именно с момента перехода к режиму ИТ ДКП и отказа от регулярных валютных интервенций, для России также характерны высокая финансовая открытость, либеральный режим валютного курса и режим ИТ ДКП; к числу стран с аналогичными параметрами в настоящее время относятся такие страны, как Австралия, Канада, Норвегия, Новая Зеландия, Венгрия, Польша, Чехия, Индонезия, Мексика и др.

Поскольку страны, придерживающиеся режима ИТ ДКП, склонны к либерализации режима валютного курса и отказу от ограничений трансграничного движения капитала, номинальный валютный курс оказывается у них напрямую подвержен шокам со стороны внешнего мира и особенно усиливается роль финансовой компоненты канала валютного курса (в терминах рис. 1). Усиление финансовой компоненты канала валютного курса приводит к особой чувствительности экономики к эффектам канала валютного курса, генерируемым на мировом финансовом рынке за пределами национальной денежно-кредитной политики. В частности, страны с формирующимся рынком (далее – страны ЕМ) демонстрируют особую чувствительность к импульсам со стороны денежно-кредитной политики стран – эмитентов резервных валют, и высокая интегрированность стран ЕМ в глобальный

финансовый рынок выступает фактором снижения автономности их денежно-кредитной политики [21].

Так, для стран ЕМ, интегрированных в международное финансовое взаимодействие, ужесточение денежно-кредитной политики развитых стран означает относительное снижение доходности активов, номинированных в национальной валюте, сокращение спроса на них и необходимость ответного изменения ключевой ставки процента³, при этом изменение глобальных финансовых условий непосредственно амортизируется курсом национальной валюты. В условиях открытости экономики к импульсам со стороны мирового финансового рынка (в том числе к изменению риторики денежно-кредитной политики развитых стран) политика активного управления курсом национальной валюты сопровождается высокими издержками и более оправданными представляются меры, направленные на снижение эффекта переноса курса в цены.

Вторая особенность работы канала валютного курса в условиях инфляционного таргетирования связана непосредственно с эффектом переноса валютного курса в цены (далее – ЭП). Во многих работах, посвященных анализу последствий перехода стран к ИТ ДКП, отмечается, что результатом этого перехода и политики дезинфляции является постепенное снижение как уровня, так и волатильности инфляции, вследствие чего происходит снижение ЭП. Многочисленные исследования, посвященные анализу эффекта переноса валютного курса в России, подтверждают данную гипотезу. (См. рис. 4.)

Представленные на рис. 4 оценки ЭП в России получены с опорой на различные подходы и поэтому являются только ограниченно сопоставимыми, однако подтверждают предположение о снижении эффекта переноса. Так, в годы до перехода к режиму инфляционного таргетирования в России ЭП, по различным оценкам, составлял 0,37 [3], 0,48 [6] (за 12 ме-

³ В частности, смена внешнеэкономической конъюнктуры и нарастающие ожидания рестрикционных мер со стороны монетарных регуляторов развитых стран выступают одним из факторов пересмотра ключевой ставки Банка России [1].

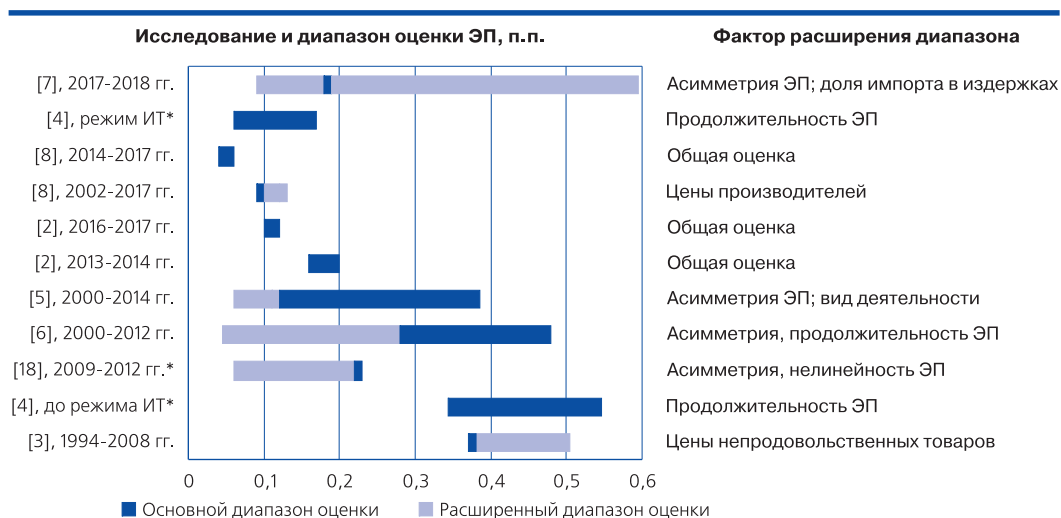
сяцев), 0,22 [18] (за 12 месяцев), 16–0,2 [2] (за 6 месяцев). Эффект переноса в годы после перехода к режиму инфляционного таргетирования в целом характеризуется более низкими значениями: 0,1–0,12 [2] (за 6 месяцев), 0,09–0,1 [8] (за 12 месяцев), 0,06–0,17 [4], 0,18 [7].

Вместе с тем, несмотря на общий тренд снижения, оценка ЭП остается неоднородной и значительно варьируется в зависимости от таких факторов, как продолжительность переноса (например, 1 месяц либо 12 месяцев), вид экономической деятельности, доля импорта в издержках компании, а также величина и направление изменения курса (укрепление либо ослабление). Так, эффект переноса отдельно для группы непродовольственных товаров может достигать 0,52 [3]. Оценка ЭП может варьироваться от 0,05 до 0,38 (за 1 месяц) в зависимости от вида экономической деятельности [5]. В зависимости от доли импорта в издержках компаний оценка ЭП изменяется от 0,17 до 0,59 [7]. В ряде работ отмечаются также нелинейность и асимметричность эффекта переноса, в результате чего он при-

мерно вдвое сильнее при ослаблении курса и тем больше, чем более значительно изменение последнего. Таким образом, результаты эмпирических исследований подтверждают неоднородность эффекта переноса и его существенность для отдельных групп цен и видов экономической деятельности, несмотря на переход к режиму ИТ ДКП.

Третья особенность работы валютного канала денежной трансмиссии заключается в возможности использования инструментов политики валютного курса в рамках режима ИТ ДКП, несмотря на то что номинальный валютный курс не выступает номинальным якорем денежно-кредитной политики. В частности, инструменты политики валютного курса могут применяться в рамках режима инфляционного таргетирования в случае дефляции и риска снижения номинальных ставок процента в экономике до околонулевых значений (т.е. наступления ситуации, известной как *Zero lower bound – ZLB*). Такая возможность объясняется теоретическим предположением, согласно которому в условиях *ZLB* централь-

Рис. 4. Оценка эффекта переноса номинального валютного курса в России в исследованиях 2010–2019 гг. на различных временных диапазонах

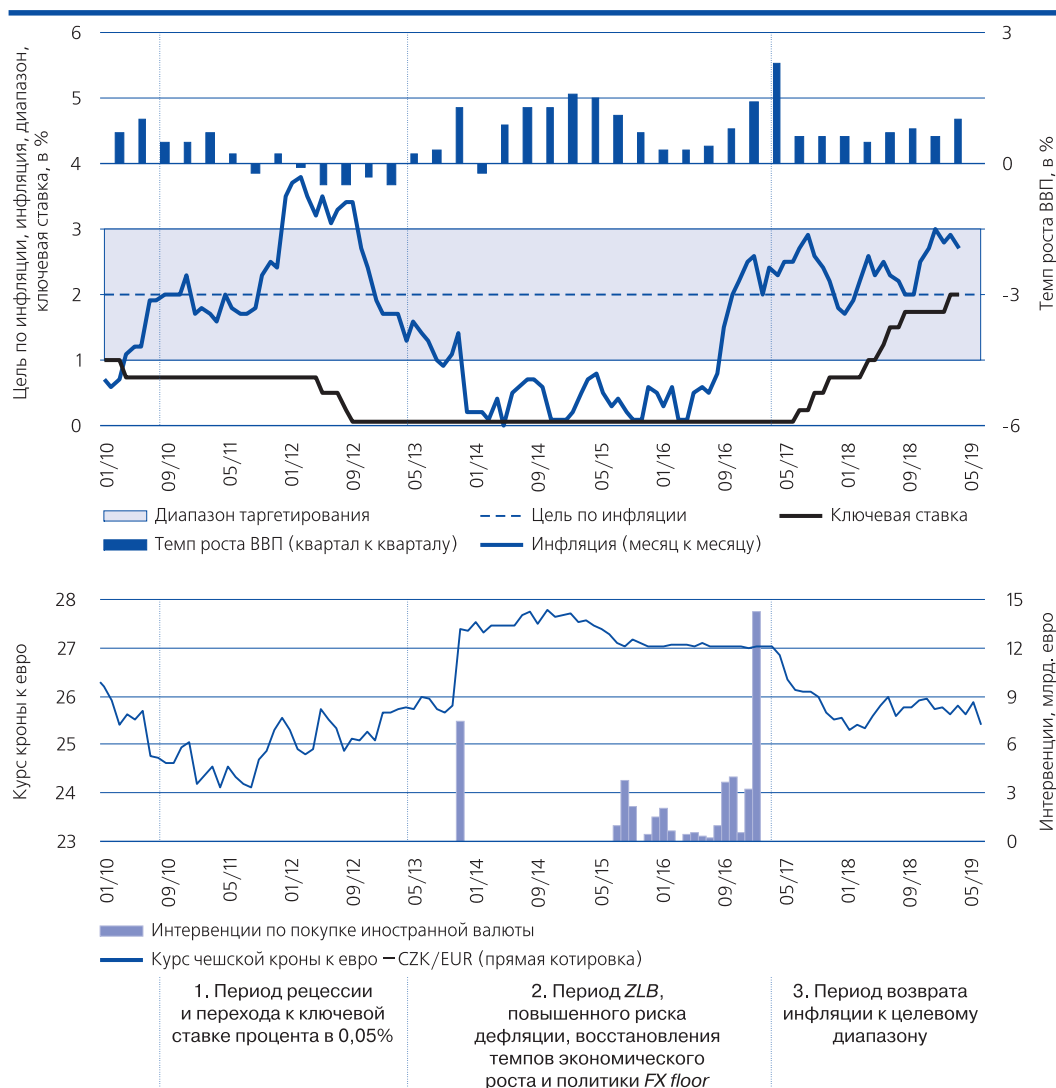
* – В работах [4] и [18] оценка дается на панели стран, в остальных работах оценка представлена для России.
 Источник: составлено автором.

ный банк не пытается компенсировать снижение номинального валютного курса ростом номинальной ставки процента и эффект переноса валютного курса в цены оказывается достаточно высоким, чтобы стимулировать выход инфляции из околонулевого диапазона. Эта идея была выдвинута Л. Свенссоном в 2000 г.

[23] и применена Национальным банком Чехии в 2013 г.

В 2011 г. экономика Чехии начала демонстрировать отрицательные темпы роста, и к октябрю 2012 г. ключевая ставка национального центрального банка была снижена до 0,05%. (См. рис. 5.) Несмотря на крайне мягкие мо-

Рис. 5. Опыт выхода из ситуации ZLB с использованием мер политики FX floor в Чехии в 2013–2016 гг.

Источник: составлено автором.

нетарные условия, среднегодовые темпы инфляции в 2013 г. продолжали в стране падать до околонулевых значений (при цели по инфляции в $2\% \pm 1$ п.п.), темпы роста выпуска оставались отрицательными и экономика Чехии столкнулась с риском дефляции. В ноябре 2013 г., через год после установления околонулевой ключевой ставки процента, Национальный банк Чехии декларировал намерение использовать курс национальной валюты (а именно снижение курса чешской кроны к евро) в качестве инструмента дальнейшего смягчения монетарных условий и возврата инфляции к целевому уровню. Данная политика получила название нижней границы обменного курса (*FX floor*). В рамках политики *FX floor* в ноябре 2013 г. курс чешской кроны был единовременно снижен к евро на 7% — с 25 до 27 чешских крон за евро (в частности, в результате интервенций Национального банка Чехии по покупке иностранной валюты в размере 7,5 млрд. евро в ноябре 2013 г.). Всего в условиях интервенций центрального банка объем золотовалютных резервов Чехии увеличился с 47 млрд. долл. в 2013 г. до 85 млрд. долл. к началу 2017 г., а объем интервенций по покупке евро в ходе реализации программы составил 47 млрд. евро.

В 2019 г. Национальный банк Чехии дал оценку последствий использования инструментов управления валютным курсом для выхода из ситуации *ZLB* [10]. В результате снижения курса чешской кроны к евро на 7% к 2015 г. (т.е. спустя два года после начала проведения политики *FX floor*) были достигнуты рост уровня цен на 0,13–0,33% и рост выпуска на 0,45–1,5%. Возврат инфляции к целевому диапазону произошел только в 2017 г. (хотя ожидался к 2015 г.), тогда как устойчиво положительные темпы экономического роста были достигнуты уже в 2014 г. Таким образом, влияние политики *FX floor* на уровень инфляции было признано весьма скромным. К числу вероятных причин столь незначительного влияния могут быть отнесены низко заякоренные инфляционные ожидания, долгосрочное сни-

жение эффекта переноса (вследствие усиления интегрированности экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости), а также завышенный на начало использования политики *FX floor* курс чешской кроны [22]. Предположительно, политика *FX floor* могла бы обеспечить большее стимулирование инфляции, если бы она оказалась усилена мерами дальнейшего снижения номинальной ставки процента (ниже 0,05%) и снижением курса чешской кроны более чем на 7%. Однако, несмотря на сравнительно малый количественный эффект политики *FX floor* для инфляции, следует отметить достаточно быстрый и выраженный ее эффект на темпы экономического роста, а также то, что она тем не менее способствовала предотвращению дефляции.

Описанный случай Чехии является не единственным примером повышенного внимания страны с режимом ИТ ДКП к инструментам политики валютного курса. Данные приводимой таблицы показывают, что во многих странах со зрелым режимом инфляционного таргетирования в отдельные периоды могут быть идентифицированы те или иные признаки «манипулирования» курсом национальной валюты, идентифицированные Фредом Бергстеном и Джозефом Гагноном в 2017 г. [11]. В частности, авторами был выявлен стимул стран к предотвращению излишнего укрепления курса национальных валют посредством стерилизации избыточной валютной ликвидности: в период значительного интереса иностранных агентов к национальной программе приватизации в Чехии; в период высокого спроса на швейцарский франк как инструмент хеджирования валютного курса в Швейцарии; в период высокого спроса на товары экспорта Китая, Израиля, Таиланда. Для стран, использующих бюджетное правило, авторами был выявлен стимул к симметричному смягчению волатильности курса национальной валюты и, в частности, к ослаблению высоких ожиданий относительно его укрепления при ухудшении экономических условий в целях сглаживания доходов бюджета (случай Норвегии).

Представленные в таблице мотивы продиктованы изменением экономических условий мирового финансового и мирового товарного рынков и при этом не требуют от национальных центральных банков ужесточения режима валютного курса и перманентного удержания курса национальной валюты на равновесном уровне. Так, объемы операций в рамках соглашений по абсорбированию валютной ликвидности могут быть малыми (в частности, недостаточными для значимого отклонения курса национальной валюты от рыночного равновесия), но их наличие формирует соответствующее направление курсовых ожиданий (например, охлаждает ожидания укрепления курса). Данные таблицы позволяют заключить, что страны, преодолевшие ранее «страх плавания» [14] национальной валюты, в настоящее время преодолевают страх «неодобряемого внимания» к валютному каналу денежной трансмиссии.

Процессы либерализации режимов валютного курса и повышения степени финансовой открытости, характерные для режима ИТ ДКП,

приводят к росту экзогенности валютного канала. В этих условиях практическая невозможность купирования внешних шоков стимулирует центральные банки, особенно в странах с формирующимся рынком, отказываться от активной политики валютного курса в пользу мер, направленных на смягчение последствий высокой экзогенности валютного канала для курсовых ожиданий и величины эффекта переноса.

При переходе к режиму ИТ ДКП в странах наблюдается снижение эффекта переноса валютного курса в цены, однако он остается асимметричным и существенным в отдельных отраслях экономики и задача снижения эффекта переноса сохраняет актуальность.

Опыт стран со зрелым режимом инфляционного таргетирования (мировых финансовых центров, экспортеров сырья и товаров обрабатывающего производства) показывает, что канал валютного курса может быть использован национальными центральными банками как механизм воздействия на курсовые ожидания экономических агентов в определенные периоды в целях снижения волатильности кур-

Страны с режимом ИТ ДКП, имеющие стимул к предотвращению излишнего укрепления курса национальной валюты

Критерии Бергстена–Гагнона «манипулирования» курсом национальной валюты	Группы стран, имеющих стимул к «манипулированию»	Мотивы стран по предотвращению излишнего укрепления национальной валюты в отдельные периоды
1. Профицит счета текущих операций платежного баланса более 3% ВВП.	1. Финансовые центры.	Высокая привлекательность валюты как инструмента хеджирования (Швейцария, с 2016 г. по наст. вр.); высокая доля доходов пенсионного фонда, инвестированных за рубежом (Япония, 2016 г.); высокая привлекательность национальной программы приватизации для иностранных инвесторов (Чехия, 2008 г.).
2. Чистый приток активов, номинированных в иностранной валюте, более 2% ВВП.		
3. Выполнение критерия МВФ достаточности золотовалютных резервов.	2. Экспортеры сырьевых товаров.	Сглаживание снижения доходов бюджета вследствие ухудшения условий внешней торговли (Россия, с 2017 г. по наст. вр.; Норвегия, с 2015 г. по наст. вр.).
4. Выполнение критерия Гринспена–Гвидотти достаточности золотовалютных резервов.	3. Экспортеры продукции обрабатывающей промышленности.	Высокий спрос на продукцию национального экспорта (Китай, 2003-2013 гг.; Таиланд, 2016-2017 гг.; Израиль, 2015-2017 гг.).
5. Чистый приток активов, номинированных в иностранной валюте, более 65% стоимости экспорта нефти за вычетом издержек производства.	4. Страны с повышенным риском дефляции	Возможность использования инструментов политики валютного курса для ускорения инфляции (Чехия, 2013-2016 гг.)
6. Доход страны выше среднего по критерию Всемирного банка		

Источник: составлено и дополнено автором по материалам работы [11].

са валюты в ответ на изменения на мировом финансовом или товарном рынках. Также опыт отдельных стран свидетельствует в пользу возможности использования валютного канала

денежной трансмиссии в качестве меры нетрадиционной денежно-кредитной политики и механизма преодоления ловушки ликвидности и стагнации. ■

Литература

1. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. 2018. № 4 (24). С. 2, 17.
2. Банк России. О чем говорят тренды // Макроэкономика и рынки. 2017. № 7 (19).
3. Кадыров М. Влияние валютного курса на цены при наличии структурных сдвигов // Прикладная эконометрика. 2010. № 3. С. 9–22.
4. Картаев Ф., Якимова Ю. Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 70–84.
5. Пономарев Ю. Эффект переноса динамики обменного курса рубля в цены в российских отраслях промышленности // Экономическая политика. 2015. № 5. С. 53–70.
6. Пономарев Ю., Трунин П., Улюкаев А. Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 21–35.
7. Синяков А., Чернядьев Д., Сапова А. Оценка эффекта переноса валютного курса рубля в цены производителей конечной продукции на микроданных российских компаний // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 1. С. 128–157.
8. Тиунова М. Моделирование эффекта переноса валютного курса на цены в России // Финансы: теория и практика. 2018. № 3. С. 136–154.
9. Atkin T., Cava G. The transmission of monetary policy: how does it work? // Reserve Bank of Australia Bulletin. 2017. No. 3.
10. Baša J., Sestorad T. The Czech exchange rate floor: depreciation without inflation? // CNB Working Paper Series. 2019. No. 3.
11. Bergsten C.F., Gagnon J. Currency conflict and trade policy: A new strategy for the United States. Columbia University Press. 2017.
12. Beyer A., Nicoletti G., Papadopoulou N., Papsdorf P., Ruenstler G., Schwarz, C., Sousa, J., Vergote O. The transmission channels of monetary, macro- and microprudential policies and their interrelations // ECB Occasional Paper Series. 2017. No. 191.
13. Boivin J., Kiley M., Mishkin F. How has the monetary transmission mechanism evolved over time? // NBER Working Paper. 2010. No. 15879.
14. Calvo G., Reinhart C. Fear of Floating // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 107. No. 2. Pp. 379–408.
15. Chinn M., Ito H. A New Measure of Financial Openness // Journal of Comparative Policy Analysis. 2008. Vol. 10. No. 3. Pp. 309–322.
16. Chmielewski T., Kapuscinski M., Kociecki A., Lyziak T., Przystupa J., Stanislawski E., Wrobel E. Monetary transmission mechanism in Poland // NBP Working Paper. 2017. No. 286.
17. IMF. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions // IMF Publications. 2019.
18. IMF. Russian Federation. Selected issues // IMF Country Report. 2015. No. 15/212.
19. Hofmann B., Shim I., Shin H. Sovereign yields and the risk-taking channel of currency appreciation // BIS Working Papers. 2017. No. 538.
20. Kearns J., Patel N. Does the financial channel of exchange rate offsets the trade channel? // BIS Quarterly Review. 2016. No. 4. Pp. 95–113.
21. Rey H. International channels of transmission of monetary policy and the Mundellian trilemma // NBER Working Paper. 2016. No. 21852.
22. Skorepa M., Vlcek J. Impact of the CNB's exchange rate commitment: pass-through to inflation // BIS Working Paper. 2016. Vol. 89. Pp. 153–167.
23. Svensson L. The zero bound in an open economy: a foolproof way of escaping from a liquidity trap // NBER Working Paper. 2000. No. 7957.

References

1. Bank of Russia. Report on Monetary Policy. 2018. No. 4 (24). Pp. 2, 17.
2. Bank of Russia. What Are Trends Talking About // Macroeconomics and Markets. 2017. No. 7 (19).
3. Kadyrov M. Impact of Exchange Rate on Prices In the Presence of Structural Changes // Applied Econometrics. 2010. No. 3. Pp. 9–22.

4. Kartaev F., Yakimova Yu. The Influence of Inflation Targeting on the Pass-Through Effect of the Exchange Rate // *Voprosy Ekonomiki*. 2018. No. 11. Pp. 70–84.
5. Ponomarev Yu. The Pass-Through Effect of Exchange Rate on Prices In Russian Industrial Sector // *Ekonomicheskaya Politika*. 2015. No. 5. Pp. 53–70.
6. Ponomarev Yu., Trunin P., Ulyukaev A. Exchange Rate Pass-Through in Russia // *Voprosy Ekonomiki*. 2014. No. 3. Pp. 21–35.
7. Sinyakov A., Chernyadyev D., Sapova A. Estimating the Exchange Rate Pass-Through Effect on Producer Prices of Final Products Based on Micro-Data of Russian Companies // *Journal of the New Economic Association*. 2019. No. 1. Pp. 128–157.
8. Tiunova M. Modeling of the Exchange Rate Pass-Through Effect on Prices in Russia // *Finansy: teoria i praktika*. 2018. No. 3. Pp. 136–154.
9. Atkin T., Cava G. The transmission of monetary policy: how does it work? // *Reserve Bank of Australia Bulletin*. 2017. No. 3.
10. Baxa J., Sestorad T. The Czech exchange rate floor: depreciation without inflation? // *CNB Working Paper Series*. 2019. No. 3.
11. Bergsten C.F., Gagnon J. *Currency conflict and trade policy: A new strategy for the United States*. Columbia University Press. 2017.
12. Beyer A., Nicoletti G., Papadopoulou N., Papsdorf P., Ruenstler G., Schwarz, C., Sousa, J., Vergote O. The transmission channels of monetary, macro- and microprudential policies and their interrelations // *ECB Occasional Paper Series*. 2017. No. 191.
13. Boivin J., Kiley M., Mishkin F. How has the monetary transmission mechanism evolved over time? // *NBER Working Paper*. 2010. No. 15879.
14. Calvo G., Reinhart C. Fear of Floating // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 107. No. 2. Pp. 379–408.
15. Chinn M., Ito H. A New Measure of Financial Openness // *Journal of Comparative Policy Analysis*. 2008. Vol. 10. No. 3. Pp. 309–322.
16. Chmielewski T., Kapuscinski M., Kociecki A., Lyziak T., Przystupa J., Stanislawski E., Wrobel E. Monetary transmission mechanism in Poland // *NBP Working Paper*. 2017. No. 286.
17. IMF. *Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions* // *IMF Publications*. 2019.
18. IMF. *Russian Federation. Selected issues* // *IMF Country Report*. 2015. No. 15/212.
19. Hofmann B., Shim I., Shin H. Sovereign yields and the risk-taking channel of currency appreciation // *BIS Working Papers*. 2017. No. 538.
20. Kearns J., Patel N. Does the financial channel of exchange rate offsets the trade channel? // *BIS Quarterly Review*. 2016. No. 4. Pp. 95–113.
21. Rey H. International channels of transmission of monetary policy and the Mundellian trilemma // *NBER Working Paper*. 2016. No. 21852.
22. Skorepa M., Vlcek J. Impact of the CNB's exchange rate commitment: pass-through to inflation // *BIS Working Paper*. 2016. Vol. 89. Pp. 153–167.
23. Svensson L. The zero bound in an open economy: a foolproof way of escaping from a liquidity trap // *NBER Working Paper*. 2000. No. 7957.

Exchange Rate Channel of Monetary Transmission Mechanism under Inflation Targeting

Alina M. Grebenkina – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: grebenkina-am@ranepa.ru

The article specifies the concept of the exchange rate channel of monetary transmission mechanism considering the effects caused by global financial and commodity markets and explains its peculiarity in countries with inflation targeting regime of monetary policy. Based on case-study approach the article provides such features as significant exogeneity of the exchange rate channel; heterogeneous pass-through effect of the exchange rate; functioning as an instrument of non-conventional monetary policy (in order to overcome stagnation and liquidity trap); distinct incentive of particular countries (primarily financial centers, commodity exporters and manufacturing exporters) to manage exchange rate expectations, particularly to cool expectations of excessive currency appreciation.

Key words: monetary transmission mechanism, exchange rate channel, inflation targeting, cross-country analysis.

ТОРГОВЫЕ ВОЙНЫ: ПЕРВЫЕ ЭФФЕКТЫ*

А. Ю. КНОБЕЛЬ
Н. С. ПЫЖИКОВ

Торговые войны, инициированные США с начала 2017 г., — результат накопленных в мировой торгово-экономической системе структурных проблем. Во-первых, выгоды от глобализации распределяются неравномерно между развитыми и развивающимися странами, квалифицированной высокооплачиваемой и неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силой; усиливается неравенство в развитых странах. Во-вторых, многосторонняя торговая система функционирует по правилам, сформированным развитыми странами в конце XX века, в то время как позиции развивающихся стран с тех пор значительно укрепились. В-третьих, изменился характер региональной экономической интеграции: на смену расширению и усложнению торговых соглашений приходит активизация двусторонних договоренностей.

Происходящие процессы пока слабо влияют на Россию. Однако в дальнейшем можно ожидать усиления негативных эффектов, в частности, для российской металлургии.

Ключевые слова: торговые войны, мировая торгово-экономическая система, глобализация, экономическая интеграция, развитые страны, развивающиеся страны.

Почти одновременно с вступлением Дональда Трампа в должность президента США были предприняты первые действия, во многом определившие будущую торговую политику страны, включая выход из Транстихоокеанского партнерства, отказ от поддержки ВТО и курс на реформирование уже действующих соглашений. К декларируемому перечню ключевых задач, на решение которых направлена новая торговая политика США, относятся:

- защита интересов американских производителей на внутреннем рынке;
- перенос производственных мощностей на территорию США и увеличение числа рабочих мест внутри страны;
- сокращение дефицита торгового баланса с крупнейшими партнерами США;
- сдерживание экономического развития Китая;
- реформирование ВТО.

Подобная постановка задач, вместе с дальнейшим переходом торговой войны в откры-

тую стадию, в основном объясняется¹ накоплением структурных проблем в мировой торговой системе.

Во-первых, это неравномерное распределение выгод от глобализации между развитыми и развивающимися странами, квалифицированной высокооплачиваемой и неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силой, усиление неравенства в развитых странах.

Во-вторых, почти неизменными остаются правила функционирования многосторонней торговой системы, сформированные преимущественно развитыми странами в конце XX века. С этого времени, однако, позиции развивающихся стран значительно укрепились. Наиболее показательный пример — Китай. Несмотря на лидирующие позиции в международной торгово-экономической системе, КНР остается в статусе развивающейся страны, что дает ей право использовать специальный и дифференцируемый режим, предоставляю-

Кнобель Александр Юрьевич, заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: knobel@ier.ru; Пыжиков Никита Сергеевич, научный сотрудник Российского центра исследований АТЭС РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: pyzhikov-ns@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 15 (98) (октябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

¹ См.: Кнобель А.Ю., Алиев Т.М., Пыжиков Н.С., Флегонтова Т.А. Торговля и глобализация. События последних тридцати лет и дальнейшие эволюционные траектории / РАНХиГС при Президенте РФ. — М.: Дело, 2019.

щий, например, льготные периоды имплементации соглашений ВТО и соответствующих обязательств. (Для сравнения следует отметить, что Россия имеет в ВТО статус развитой страны.)

Наконец, в-третьих, меняется характер региональной экономической интеграции. Если в последнее десятилетие страны стремились к расширению и усложнению торговых соглашений, то сейчас велика вероятность возвращения к двустороннему формату договоренностей, когда заключается множество соглашений вместо одного, что, в свою очередь, ведет к увеличению числа правил, которым нужно следовать.

По состоянию на сегодняшний день можно выделить три сферы, в которых разворачиваются торговые войны: сталь и алюминий; трансфер технологий; автомобилестроение.

Металлургический фронт торговой войны

В открытую фазу торговая война перешла в марте 2018 г. Президент США подписал указы о повышении ставок таможенных пошлин на сталь² и алюминий³ до 25 и 10% соответственно. В расследованиях Министерства торговли США по стали и алюминию угрозу национальной безопасности связали с закрытием американских металлургических заводов, существенным снижением занятости в отрасли, превышением импорта стали и алюминия над экспортом. В качестве основной причины избытка предложения стали на мировом рынке было указано на ее перепроизводство в Китае. Вслед за этим шагом ряд стран-членов ВТО, включая Китай, Мексику, Турцию, ЕС, Канаду, Россию и Индию, ввели балансирующие ответные меры. Помимо этого некоторые страны были вынуждены ввести защитные меры, что было вызвано возросшим импортом стали

и алюминия. В августе 2018 г. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) инициировала⁴ специальное защитное расследование в отношении импорта металлопроката в ЕАЭС по заявлению трех российских компаний (НЛМК, ММК и «Северстали»). По итогам расследования с 1 декабря 2019 г. со стороны ЕАЭС вступит в силу защитная мера (тарифная квота сроком в 1 год) в отношении горячекатаного проката.

Торговые ограничения как следствие претензий США по трансферу технологий

В рамках второго направления торговой войны, вызванного претензиями США к Китаю в отношении трансфера технологий, напрямую задействованы две страны. В августе 2017 г. по запросу Д. Трампа *USTR (United States Trade Representative – Торговое представительство США)* инициировало расследование⁵, которое пришло к следующим выводам:

1. Законодательство КНР, по сути, делает крайне затруднительным привлечение китайских компаний к ответственности за утечку импортированных технологий.

2. Патентный закон КНР позволяет регистрировать «улучшения», вносимые китайскими компаниями в иностранные технологии в качестве изобретений, что в итоге означает кражу технологий.

3. Закон КНР о совместных предприятиях позволяет китайской стороне по окончании действия соответствующего договора продолжать использовать технологии.

Для борьбы с «несправедливыми практиками» Китая США повышали тарифы на китайский импорт; КНР, в свою очередь, повышала тарифы на ввозимую из Соединенных Штатов продукцию. В настоящее время ограничения охватывают почти всю двустороннюю торговлю.

² URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-steel-united-states/>

³ URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-adjusting-imports-aluminum-united-states/>

⁴ URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-modify-list-beneficiary-developing-countries-trade-act-1974-2/>

⁵ URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/Section 301 FINAL.PDF](https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF)

Согласно данным *USTR*⁶ экспорт Китая в США в 2018 г. составил 557,9 млрд. долл., тогда как экспорт США в Китай — 179,3 млрд. долл.

Что касается последствий уже введенных торговых ограничений, то среди них в качестве основных можно выделить следующие⁷:

- основные бенефициары торговой войны — это отрасли США с преобладанием низкоквалифицированного труда (черная и цветная металлургия, добывающая промышленность). Почти все остальные отрасли и в мире, и в КНР (за исключением, возможно, растениеводства) проигрывают либо выигрывают незначительно;
- в результате принятых решений торговые потоки будут перераспределяться с направления «США—КНР» на направления «США—остальной мир» или между остальными странами мира, однако в целом масштабы торговли уменьшатся;
- общее влияние торговой войны на мировую экономику — слабо негативное (по нашим подсчетам, потери мирового ВВП от ее введения составляют около 80 млрд. долл. ежегодно), однако в дальнейшем оно может быть усилено;
- в перспективе торговая война может способствовать переносу производства американскими компаниями из Китая либо в другие страны (Вьетнам, Таиланд, Камбоджу, Коста-Рику, Мексику), либо в США;
- декларируемые Д. Трампом цели достигаются лишь частично: влияние торговой войны с КНР на экономический рост в США — почти нулевое; торговый баланс с КНР улучшается незначительно, а с остальным миром практически не меняется (как результат введения взаимных ограничений — на 25–30 млрд. долл.). При этом страдают, хотя и незначительно, высокотехнологичные сектора американской экономики (прежде всего производство автотранс-

порта, металлических изделий, электроники, химическая промышленность);

- влияние происходящих процессов на Россию пока достаточно слабое; в дальнейшем возможно как освобождение ниш для российской продукции, так и, наоборот, усиление конкуренции. Помимо прямых негативных последствий от повышения США ввозных таможенных пошлин на сталь и алюминий в перспективе можно ожидать усиления негативных эффектов от торговых войн для металлургии, в том числе российской.

Автомобилестроение – новое ожидаемое направление торговых войн

Еще в мае 2018 г. Министерство торговли США инициировало расследование в отношении импортируемых автомобилей и деталей по тому же разделу 232 Закона «О расширении торговли», что использовался для введения дополнительных пошлин на сталь и алюминий. Результаты расследования еще не опубликованы, однако, согласно предварительным данным, они могут привести к повышению тарифов на 25 п.п. в отношении импортных автомобилей и деталей для них. От будущих ограничений пока избавлены только Мексика и Канада. В дополнении к тексту *USMCA (United States–Mexico–Canada Agreement)* — Соглашение между Соединенными Штатами Америки, Мексиканскими Соединенными Штатами и Канадой) США согласились исключить определенные объемы экспорта канадских и мексиканских автомобилей и их частей из сферы применения любой будущей меры, введенной в отношении других стран. Ожидается, что под ударом потенциальных мер окажутся прежде всего производители из ЕС и Японии. Пока введение дополнительных пошлин отложено.

США намерены продолжать введение ограничительных мер в отношении китайских

⁶ URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china>

⁷ См.: Кнобель А.Ю., Алиев Т.М., Пыжиков Н.С., Флегонтова Т.А. Торговля и глобализация. События последних тридцати лет и дальнейшие эволюционные траектории / РАНХиГС при Президенте РФ. — М.: Дело, 2019.

товаров, инициировать потенциальные ограничения в отношении поставляемых автомобилей, пока не просматриваются варианты

разрешения спора по металлам. Таким образом, совсем скоро может начаться новый виток торговой войны. ■

Trade Wars: First Effects

Alexander Yu. Knobel – Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute; Director of Center for Foreign Trade Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: knobel@iep.ru

Nikita S. Pyzhikov – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: pyzhikov-ns@ranepa.ru

The trade wars that have been waged by the USA since early 2017 are an upshot of the structural problems accumulated inside the global trade and economic system. Firstly, the benefits of globalization are distributed unevenly between the developed and developing countries, and between skilled and unskilled workforces; and inequality in the developed countries is broadening. Secondly, the multilateral trade system has been functioning in accordance with the rules established by the developed countries towards the end of the 20th century, while the positions of the developing countries have significantly strengthened since then. Thirdly, the character of regional economic integration has altered: the process of expansion and increasing complexity of trade treaties has given way to active development of bilateral agreements.

The effect of the ongoing processes on Russia has so far been rather weak. However, later on it can be expected that the negative effects, in particular on Russian metallurgy, might become stronger.

Key words: trade wars, world trade and economic system, globalization, economic integration, developed countries, developing countries.

Промышленность

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СЕНТЯБРЕ 2019 г.: СТАБИЛЬНОСТЬ СПРОСА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К РОСТУ*

С. В. ЦУХЛО

Стабильная динамика спроса позволяет промышленности уверенно контролировать запасы готовой продукции и сырья. При этом сохраняется околонулевой темп роста производства и не видно предпосылок для существенного увеличения выпуска в обозримом будущем. Нежелание предприятий создавать новые рабочие места достигло исторического максимума с начала мониторинга этого показателя в 1993 г. Оптимизм инвестиционных планов продолжает снижаться после подъема в 2017 г.

Ключевые слова: российская промышленность, спрос, выпуск, занятость, запасы готовой продукции, кредитование промышленности, персонал, инвестиции, фактические изменения и ожидания.

В сентябре 2019 г. предприятия сообщили о символическом улучшении динамики спроса после столь же символического ее ухудшения в предыдущем месяце. В результате очищенный от сезонных и случайных колебаний баланс изменения продаж промышленной продукции продемонстрировал на протяжении первых девяти месяцев 2019 г. стабильность.

Прогнозы изменения спроса в 2019 г. также стабильны: после очищения от сезонных и случайных колебаний они находятся в интервале +3 – +4 пункта с начала текущего года.

В существующих условиях предприятиям относительно легко управлять своими запасами готовой продукции. Результатом становится рекордно высокий уровень «нормальных» оценок запасов: в сентябре 2019 г. таких оценок получено 78% – исторический максимум всех 328 опросов. При этом средний результат января-сентября текущего года составил 73% – тоже абсолютный рекорд всех 28 лет опросов по 9-месячным данным.

Баланс (разность) остальных оценок пребывает в околонулевой зоне, не выходя с начала 2019 г. за пределы диапазона -2 – +3 пунк-

та. Промышленные предприятия не видят оснований для формирования управляемой избыточности запасов, которая характерна для периодов уверенности в росте спроса.

Аналогичная ситуация складывается и с запасами сырья и материалов: в 2019 г. доля «нормальных» оценок этих запасов достигла рекордных 83% (второй квартал), а в третьем квартале составила 77% при околонулевом балансе остальных ответов («выше нормы» минус «ниже нормы»).

Темп роста выпуска (после очистки от сезонных и случайных колебаний) остается чуть выше нуля второй квартал подряд – с апреля этот показатель устойчиво демонстрирует значения в интервале 0 – +1 пункт. (В первом квартале 2019 г. баланс (температура) фактических изменений выпуска находился, по данным опросов, в интервале +2 – +3 пункта.)

Несмотря на такую все более застойную динамику выпуска, производственные планы промышленности в текущем году обнаруживают высокий уровень оптимизма: в третьем квартале баланс ожидаемых изменений выпуска составлял +13 пунктов. (Заметим, что в 2018 г. оптимизма в планах выпуска было мень-

Цухло Сергей Владимирович, заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tsukhlo@iep.ru

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 15 (98) (октябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

ше: все квартальные балансы находились в пределах +11 – +12 пунктов.)

Спрос, по версии предприятий, остается основным ограничением для промышленного роста. Этот фактор сохраняет первое место в рейтинге ограничений выпуска для российской промышленности начиная с пикового взлета в первом квартале 2009 г. (до 67% упоминаний после 30% во втором квартале 2008 г.). Сейчас спрос мешает росту выпуска 52% предприятий.

На второе место в рейтинге ограничений роста производства российская промышленность с 2015 г. ставит «неясность текущей экономической ситуации и ее перспектив». Этот фактор достиг локального максимума (49% упоминаний) в начале 2016 г., когда предприятия так и не увидели «отскока» от дна кризиса. В 2017 г. (с началом реального выхода из стагнации) на него стали указывать только 24% предприятий. Но торможение выхода из стагнации в 2018 г. увеличило долю упоминаний до 35%. Сейчас неясность текущей ситуации и туманность перспектив вновь мешают увеличивать выпуск трети российской промышленности.

Недостаточный экспортный спрос упоминают в третьем квартале 2019 г. 28% предприятий. Этот фактор занимает третье место в рейтинге. До девальвации декабря 2014 г. на недостаточный экспортный спрос также указывали в среднем 28% предприятий. Вероятно, девальвация рубля не оправдала надежд предприятий на расширение экспортного спроса.

Конкуренция с импортом занимает четвертое место в рейтинге и является ограничителем выпуска для 22% предприятий – это максимум упоминаний данного фактора после декабря 2014 г. Угнетающее влияние конкурирующего импорта на российскую промышленность пока не достигло преддевальвационных уровней.

В сентябре текущего года промышленность пыталась увеличить отпускные цены – баланс их фактических изменений вырос до +5 пунктов после 0 пунктов в августе. Однако этот шаг, похоже, признан предприятиями неудачным.

Ценовые прогнозы, наоборот, снизились на 5 пунктов – промышленность вновь готова отказать от повышения цен. О намерении снизить цены в сентябре сообщили 10% предприятий – больше сообщений о снижении цен за последние семь лет (13%) было получено только в мае 2019 г.

В сентябре 2019 г. промышленность в целом сохранила нулевой баланс изменения численности персонала. Таким образом, негативный тренд сокращения персонала при необходимости его пополнения, сформировавшийся в мае-июле текущего года, все более определенно преодолевается. Однако в своих кадровых прогнозах промышленные предприятия утратили оптимизм начала года: баланс этого показателя второй месяц подряд остается нулевым, т.е. предприятия (в целом по стране) уже не планируют роста численности работников.

Абсолютное большинство предприятий (83%) в третьем квартале 2019 г. сообщали о намерении сохранить имеющуюся численность занятых. Такого массового желания не менять количество работников среди российских промышленных предприятий не регистрировалось ни в одном из кварталов с начала мониторинга этого показателя в 1993 г. (Предыдущий «рекорд» российской промышленности по намерению заморозить создание новых рабочих мест был зарегистрирован в 2018 г. и составлял 78%.)

В первые девять месяцев 2019 г. оптимизм инвестиционных планов предприятий оказался несколько ниже аналогичного результата 2018 г.: +5 б.п. после +7. Желающих не менять объемы инвестиций стало больше: 51% в первые три квартала 2019 г. после 47% в аналогичный период 2018 г. Торможение выхода российской промышленности из инвестиционной стагнации 2012–2016 гг. продолжается. При этом нехватка машин и оборудования сдерживала рост выпуска в январе-сентябре 2019 г. только у 10% промышленных предприятий – это минимальное упоминание указанного фактора с 2000 г., т.е. его 20-летний минимум. ■

Industry in September 2019: Demand Constancy as an Obstacle to Growth

Sergey V. Tsukhlo – Head of Business Surveys Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tsukhlo@iep.ru

A stable demand movement pattern makes it possible, for industry, to secure control over stocks of finished goods and raw materials. At the same time, the production growth rate is still at a near-zero level, and there are no preconditions for any significant output increase in the foreseeable future. The reluctance of enterprises to create new jobs has hit its historic high of the entire monitoring period since 1993. The investment plan optimism index continues to slide after its rise in 2017.

Key words: Russian industry, demand, output, employment, finished goods inventory, industrial lending, personal, investments, actual changes and expectations.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (июль-октябрь 2019 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
С. В. БЕЛЯКОВ

В июле 2019 г. доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд, сократилась до 31% — самого низкого уровня за последние полтора года. В остальном статистика по июлю оказалась более или менее нейтральной, чего нельзя сказать о прогнозах на октябрь 2019 г. Кроме диффузного индекса ожидаемых через три месяца изменений цен на покупаемую продукцию, который прибавил 7 п.п., все остальные прогнозы стали пессимистичнее. Среди них наиболее заметно «просели» диффузные индексы ожидаемых через три месяца объема портфеля заказов (-15 п.п.), выпуска и занятости (-11 п.п. каждый).

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей.

ИЮЛЬ 2019 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 8% предприятий, о сохранении на прежнем уровне сообщили 81%, о повышении — 11%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 40%, не менялись — у 57% и у 3% — снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 17% респондентов, благоприятный — 3%. По мнению остальных 80%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали в легкой промышленности (100%), в металлургии (33%), производители строительных материалов и на

предприятиях лесопромышленного комплекса (по 20%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 25% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — около 61%, о снижении — 14%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц увеличилась на 1% (в предыдущем месяце не менялась). Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 32 000 руб., а для сельскохозяйственных — 25 000 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 70 000 руб., а в сельском хозяйстве — около 39 000 руб.

Занятость и производство

Около 66% респондентов сообщили о сохра-

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Егоров Андрей Станиславович, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; Баширова Инесса Анатольевна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bachirova@imemo.ru; Беляков Станислав Валерьевич, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: belyakov_St@mail.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

нении прежней занятости на своих предприятиях, 26% отметили ее сокращение и 9% — увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 18% руководителей, 39% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 42% — уменьшение.

Инвестиции

Около 6% респондентов отметили рост закупок оборудования, 54% указали на неизменность данного показателя и 9% — на его сокращение. Остальные — 31% предприятий — не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в июне 2019 г. — 38%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 77% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад — 90%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 61% предприятий остался неизменным, у 11% он пополнился и у 28% — «похудел». Рост заказов отмечали в основном

представители лесопромышленного комплекса и производители строительных материалов (по 20%), а также в машиностроении (14%).

В среднем по выборке объем заказов составил 76% от нормального месячного уровня (в июне — 82%). Самый высокий уровень заказов в июле 2019 г. держался в пищевой отрасли (90%), в химической промышленности и в металлургии (по 85%), а самым низким он был у производителей строительных материалов (71%) и в лесопромышленном комплексе (74%).

Запасы готовой продукции

Около 17% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 26% отметили их уменьшение и около 57% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 89% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад — 93%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы у производителей строительных материалов (121%), у металлургов (103%) и у представителей химической промышленности (97%). А самыми незначительными — на предприятиях лесопромышленного комплекса (66%) и в машиностроении (81%).

Таблица 1

Отраслевые показатели за июль 2019 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Заказы	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	88	90	103	85	-	67
Машиностроение и металлообработка	78	84	81	79	102	71
Химия и нефтехимия	85	98	97	85	100	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	93	85	66	74	46	100
Производство стройматериалов	70	84	121	71	78	60
Легкая промышленность	72	82	85	80	48	50
Пищевая промышленность	95	95	90	90	90	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	80	87	89	76	77	77
АГРОСЕКТОР	83	89	51	65	65	86

* — Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, %.

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 80% от нормально-го уровня (в предыдущем опросе – 78%). Около 6% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 34% – более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия пищевой промышленности (95%), лесопромышленного комплекса (93%) и металлургии (88%), а самой низкой она была у производителей строительных материалов (70%) и в легкой промышленности (72%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 87% от нормального уровня (в предыдущем месяце – 88%). У 3% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 63% ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 11% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хоро-

шее», 66% посчитали его «нормальным» и 23% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Угроза банкротства

В ближайшие один-два года она представляется реальной 9% руководителей предприятий, нереальной ее считают 41%, остальные затруднились с оценкой.

Экономическая политика

Экономическую политику правительства последних трех-четырех месяцев понимали 29% руководителей промышленных предприятий, а соглашались с ней – 6%. Не понимающих и не согласных было 21 и 38% соответственно. Остальные затруднились с оценкой. Около 71% опрошенных видят главную задачу правительства в стимулировании производства, а 14% – в замедлении инфляции.

Продолжительность кризиса

Около 6% руководителей обследованных предприятий считают, что идет экономический рост. По мнению остальных респондентов,

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на октябрь 2019 г., в % (июль 2019 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	101	103	102	95	75	-	66	67
Машиностроение и металлообработка	100	102	100	99	100	10	57	54
Химия и нефтехимия	99	102	102	101	108	10	50	50
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	98	102	98	98	103	7	60	50
Производство стройматериалов	100	102	100	95	-	9	30	20
Легкая промышленность	104	104	99	92	100	8	16	16
Пищевая промышленность	103	112	88	102	100	16	50	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	100	103	99	98	99	9	50	45
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	94	7	63	75

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (%), чей показатель к октябрю 2019 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

кризис будет продолжаться еще около 6,4 года. Это на 1,2 года меньше показателя квартальной давности (7,6 года).

ПРОГНОЗЫ НА ОКТЯБРЬ 2019 г.

Цены

Подорожание своей продукции к октябрю 2019 г. (по сравнению с июлем 2019 г.) предсказывают 17% респондентов, 72% не ждут изменений, а у 11% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 64, 36 и 0%.

Средний по выборке ожидаемый к октябрю 2019 г. прирост цен составит 1,5%, в том числе 0% для производимой и 3% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются на предприятиях пищевой промышленности и лесопромышленного комплекса: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен соответственно на 9 и 4 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 0 до 3-х пунктов.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 11%, понижения — 17% и сохранения на прежнем уровне — около 71% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата сократится на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают 36% участников опроса, у 58% она не изменится и у оставшихся 6% — возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 44% респондентов, рост — 28%, остальные 28% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 17%, не изменится — у 57% и «похудеет» — у 26%

предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали в металлургии (33%), представители химической промышленности (25%), машиностроения (23%) и в лесопромышленном комплексе (20%).

Инвестиции

По сообщению 31% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки уменьшатся на 1%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 6% предприятий выборки, не изменится — у 26% и у 15% — уменьшится. Остальные — 53% производителей — не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, — 9% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 15% предприятий, 15% предполагают его ухудшение и примерно у 71% оно не изменится. (См. табл. 2.)

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров — сектор 1, производство инвестиционных товаров — сектор 2)

Цены

В июле 2019 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 43% производителей потребительских товаров и 7% — инвестиционных. Ощутивших улучшение в первом секторе было 14%, а во втором секторе таковых не оказалось.

Предполагается, что к октябрю 2019 г. цены вырастут на 2% в секторе потребительских товаров и не изменятся в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по про-

гнозам руководителей предприятий, возрастут на 5% в первом и на 2% — во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В июле 2019 г. она составила 87% в потребительском и 78% — в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 79% от нормального месячного уровня в первом и 76% — во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 13% предприятий потребительского и 29% инвестиционного сектора, а уменьшения — 50% в первом и 14% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в июле 2019 г. его оценили 14% производителей потребительского и 33% инвестиционного сектора, как «нормальное» — 43 и 60% предприятий соответственно. В потребительском секторе 43% руководителей считают финансовое состояние своего предприятия «хорошим»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 7%.

К октябрю 2019 г. ожидают улучшения своего финансового состояния 13% производителей потребительского сектора и 31% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 25% в первом и 8% — во втором секторе.

СРАВНЕНИЕ ИЮЛЯ 2019 г. С ИЮЛЕМ 2018 г.

Соотношение цен и издержек

Практически не изменился баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 18% респондентов, а благоприятный — 3%; в июле 2019 г. таковых было 17 и 3% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 18%, о

снижении — 12% предприятий; ныне — 25 и 14% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в июле 2018 г. составила 21:9, а в июле 2019 г. — 26:9.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2018 г. — 47:26, а в 2019 г. — 42:18.

Инвестиции

Уменьшилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 44% в июле 2018 г. до 31% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год сократилась на 7 п.п.: с 84% (от нормального месячного уровня) в июле 2018 г. до 77% в июле 2019 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время снизилась на 14 п.п.: с 61% в 2018 г. до 47% ныне.

Портфель заказов

Незначительно улучшился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополненным портфелем и «похудевшим» составляла 9:29, а ныне — 11:28. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 1 п.п.: с 75% в 2018 г. до 76% в 2019 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В худшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в июле 2018 г. оно равнялось 10:38, а в июле 2019 г. — 17:26. При этом относительный объем запасов за год увеличился на 10 п.п.: с 79% в 2018 г. до 89% в 2019 г.

Диффузные индексы, в %

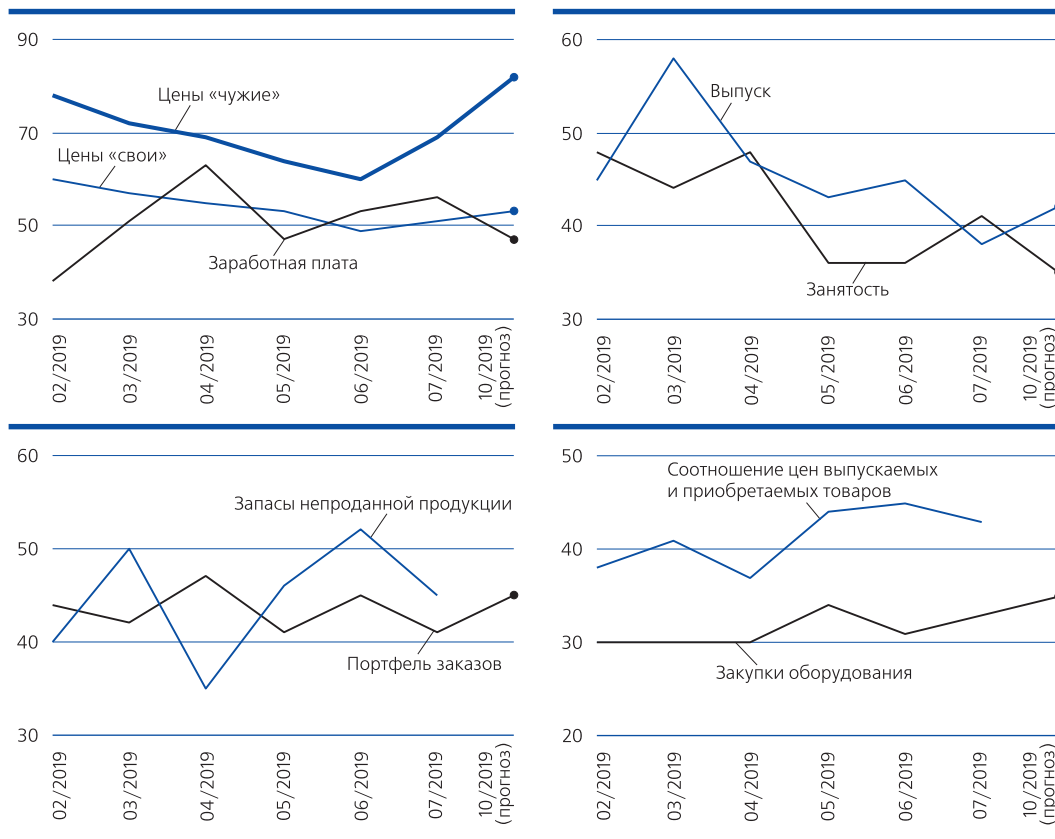

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	02/19	03/19	04/19	05/19	06/19	07/19	10/19 (прогноз)**
Цены «свои»	60	57	55	53	49	51	53
Цены «чужие»	78	72	69	64	60	69	82
Зарботная плата	38	51	63	47	53	56	47
Занятость	48	44	48	36	36	41	35
Выпуск	45	58	47	43	45	38	42
Портфель заказов	44	42	47	41	45	41	45
Запасы непроданной продукции	40	50	35	46	52	45	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	38	41	37	44	45	43	-
Закупки оборудования	30	30	30	34	31	33	35

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Октябрь 2019 г. по сравнению с июлем 2019 г.

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она увеличилась на 11 п.п.: с 69% (относительно нормального месячного уровня) в июле 2018 г. до 80% в июле 2019 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, сократилось на 18 п.п.: с 24% в 2018 г. до 6% в 2019 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, увеличилась на 12 пунктов: с 22% в 2018 г. до 34% в 2019 г.

Загрузка рабочей силы

За год она немного увеличилась: с 86% (от нормального уровня) в июле 2018 г. до 87% в июле 2019 г. В 2018 г. на 9% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий оказалось 3%.

Финансовое положение

Увеличилась доля финансово благополучных предприятий: с 66% в 2018 г. до 77% в 2019 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен уменьшился: с +0,7% в июле 2018 г. до +0,5% в июле 2019 г.

Незначительно улучшились прогнозы, связанные с объемом портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 17% и 29% предполагали его сокращение; ныне – соответственно 17 и 26%.

В лучшую сторону изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 50% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 31%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 13% предприятий ожидали ее роста, а 23% – сокращения; в июле 2019 г. эти показатели составили 6 и 15% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 18% и ухудшения – 12% предприятий; ныне эти показатели составили 15 и 15% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	+1	0	+2	-5	-25	-
Машиностроение и металлообработка	0	-1	+1	+2	0	0
Химия и нефтехимия	-1	0	0	+1	-2	-2
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	-3	-5	0	+2	+3	-5
Производство стройматериалов	-1	-5	+8	+1	-	-
Легкая промышленность	+2	0	-5	-7	-15	-2
Пищевая промышленность	+4	+10	-12	+2	+25	+4
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	0	-1	0	0	0	-1
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	-6	-3

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в июле 2019 г. и в июле 2018 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Survey of Current Business (July–October 2019)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Stanislav V. Belyakov – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: belyakov_St@mail.ru

In July 2019, the share of enterprises not purchasing equipment for 2 or more consecutive months decreased to 31% – the lowest level in the past year and a half. As for other indicators, statistics for July turned out to be more or less neutral, which cannot be said about expectations for October 2019. Besides the diffusion index of expected in three months changes of price for purchased products, which added 7 percentage points (p.p.), all the other expectations became more pessimistic. Among the others, most noticeably declined the diffusion index of the expected in three-month orders (-15 pp), output and employment (-11 pp each).

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation.

Инновационная экономика

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКАХ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛИ г. МОСКВЫ

А. С. ЕВСЕЕВ

В рамках данной работы выявлены некоторые особенности ценообразования на рынке онлайн-торговли г. Москвы. Обнаружено, что медианный период неизменности цен за исследуемый период (с 1 февраля по 1 октября 2019 г.) составил 38 дней, что сопоставимо с результатами аналогичного исследования по рынку интернет-торговли США (39,1 дня), но выше, чем в Италии (29,8 дня) или во Франции (23,6 дня). Отмечена существенная гетерогенность в частоте изменений цен для различных категорий товаров и услуг, а также среди отдельных ритейлеров. Около 6,4% изменений цен (с исключением распродаж) не превышает 1% по модулю, что свидетельствует в поддержку концепции издержек меню.

Ключевые слова: ценообразование, рынок онлайн-торговли, издержки меню, изменения цен.

В последние десятилетия в зарубежной литературе отмечается рост числа исследований, посвященных изучению поведения цен на отдельные товары и услуги. Главный акцент при этом сосредоточен на вопросах о том, как часто и на какую величину меняются цены. Для ответа на эти вопросы используются в основном данные опросов фирм, а также информация по ценам на отдельные товары и услуги, предоставляемая национальными статистическими органами или частными независимыми агентствами.

Отдельным направлением стало изучение поведения цен на рынках онлайн-торговли, что, с одной стороны, связано с преимуществами этих данных по сравнению с другими источниками (например, низкая стоимость и возможность сбора с высокой частотой), а с другой стороны, является следствием бурного роста онлайн-торговли во всем мире¹. Россия не является исключением: согласно данным исследовательского агентства Data Insight² рост интернет-торговли в России в 2018 г. составил 19% к прошлому году. Таким образом,

цены интернет-магазинов становятся еще одним важным источником информации для изучения поведения цен на микроуровне, в том числе и в российской экономике.

В настоящей работе исследуется поведение цен на рынке онлайн-торговли г. Москвы. Рассматриваемый набор данных был собран по г. Москве в период с 1 февраля по 1 октября 2019 г., частота сбора — ежедневная. Период наблюдений — достаточно короткий, однако по собранным данным можно попытаться сформулировать предварительные выводы относительно наблюдаемых свойств ценообразования и получить первые оценки частоты изменения цен на товары и услуги. В рамках исследования рассматривается лишь один — столичный — регион, поскольку на сегодня в других регионах страны интернет-ритейлеры представлены менее широко и охватывают, как правило, лишь категории продовольственных товаров.

В исследуемой выборке рассматриваются продовольственные и непродовольственные товары и услуги. Продовольственные товары

Евсеев Алексей Сергеевич, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: evseev-als@ranepa.ru

¹ URL: <https://unctad.org/en/pages/PressRelease.aspx?OriginalVersionID=505>

² URL: http://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Ecommerce%202018.pdf

включают в себя 33 категории³ товаров, составляющих условный (минимальный) набор продуктов⁴, цены на которые регистрируются Росстатом на ежемесячной основе. Важными особенностями этого набора являются высокая степень гомогенности товаров по своим потребительским характеристикам, а также возможность сопоставления между различными ритейлерами, регионами и т.п. Непродовольственные товары и услуги составляют 70% фиксированного набора, отображаемого Росстатом. Следует отметить, что для анализа использовались цены как без исключения распродаж (опубликованные цены), так и с исключением распродаж (регулярные цены). Описательные характеристики рассматриваемого набора данных представлены в таблице.

В качестве представителей продуктовых ритейлеров были отобраны следующие:

- гипермаркет «Перекресток»;
- гипермаркет «Глобус»;
- гипермаркет «Окей»;
- интернет-гипермаркет «Утконос».

Описательные характеристики используемых данных

Всего наблюдений	471 880
Количество категорий	75
Количество товаров и услуг	2094
Начало наблюдений	01.02.2019
Конец наблюдений	01.09.2019
Частота	Ежедневная
<i>Источник:</i> составлено автором.	

В качестве представителей непродовольственных ритейлеров были выбраны:

- интернет-магазин «Lamoda»;
- интернет-магазин «М. Видео»;
- интернет-магазин «Piluli.ru»;
- интернет-магазин «Ozon.ru».

Услуги представлены некоторым количеством местных компаний, специализирующихся в сфере пассажирских перевозок, связи, ЖКХ, а также рядом малых фирм, предоставляющих услуги по ремонту обуви, посещению бань, парикмахерские услуги.

В отборе ритейлеров в основном использовалась методика, предложенная в работе [1]. Были отобраны крупные ритейлеры, которые продают свои товары как онлайн, так и офлайн, но основная часть транзакций которых происходит офлайн. Исключение составляют интернет-магазины «Утконос», «Lamoda», «Ozon.ru», «Piluli.ru», которые не торгуют офлайн.

Для проверки адекватности собираемых данных данным официальной статистики было рассчитано значение коэффициента корреляции между динамикой стоимости условного (минимального) набора товаров в г. Москве, размещаемой на сайте Росстата, и стоимости аналогичного набора на выбранных данных (в регулярных ценах)⁵. Значение коэффициента корреляции составило 0,7, что свидетельствует о достаточно тесной связи между наборами (динамика их стоимости представлена на рис. 1). Из рисунка видно, что между стоимостями этих наборов всегда присутствует некоторая разница в уровнях — стоимость набора Росстата выше практически на всем наблю-

³ Под термином «категория» в настоящем исследовании понимается совокупность товаров (услуг) — представителей определенного вида (например, «Печенье»), а под термином «позиция» — конкретный представитель такой совокупности (например, «Печенье сливочно-шоколадное Queen's, 454 г»).

⁴ В набор входят следующие категории продуктов: хлеб ржано-пшеничный (115,0 кг), хлеб пшеничный (75,0 кг), мука пшеничная (20,0 кг), рис (5,0 кг), пшено (6,0 кг), бобовые (7,3 кг), вермишель (6,0 кг), картофель (150,0 кг), капуста (35,0 кг), морковь (35,0 кг), лук репчатый (20,0 кг), огурцы свежие (1,8 кг), яблоки (18,6 кг), сахар (20,0 кг), конфеты (0,7 кг), печенье (0,7 кг), говядина (15,0 кг), баранина (1,8 кг), свинина (4,0 кг), птица (14,0 кг), рыба мороженая (14,0 кг), сельди (0,7 кг), молоко (110,0 л), сметана (1,8 кг), масло животное (1,8 кг), творог (10,0 кг), сыр (2,5 кг), яйца (180 шт.), маргарин (6,0 кг), масло растительное (7,0 кг), соль (3,65 кг), чай (0,5 кг), специи (0,73 кг). Объемы потребления приведены в расчете на год и поэтому делятся на 12 для расчета стоимости набора на месяц.

⁵ Следует отметить, что для сравнения с динамикой стоимости набора по данным Росстата нам доступны онлайн-данные на аналогичный набор, собираемые с ежемесячной частотой начиная с августа 2018 г.

даемом периоде и ряд ее значений выглядит более сглаженным. Несмотря на это, есть основания предполагать близкую динамику между этими наборами.

Важной характеристикой поведения цен является частота, с которой они меняются. Частота изменения цены отдельного товара или услуги – это частное от деления числа периодов, в течение которых она изменилась, на количество всех наблюдаемых периодов:

$$\lambda_{j,k} = \frac{\sum_{i=1}^{L_{j,k}} I_{j,k,i}}{L_{j,k}},$$

где $\lambda_{j,k}$ – частота изменения цены отдельного товара или услуги j в категории k ; $j = 1 \dots N$ – идентификатор товара (или услуги); $I_{j,k,i}$ – индикатор изменения цены на продукт j в категории k в период i ; $L_{j,k}$ – общее количество периодов наблюдения цены товара (или услуги) j .

Расчет средней частоты изменения цен на микроэкономических данных для отдельной категории товаров (или услуг) k происходит путем расчета среднего арифметического частот изменения цен по каждому отдельному товару (или услуге) в рамках этой категории:

$$\lambda_k = \frac{\sum_{j=1}^J \lambda_{j,k}}{J},$$

где λ_k – средняя частота изменения цен на товары (или услуги) в категории k ; J – общее число товаров или услуг в категории k .

Помимо средней частоты изменения цен исследователи рассчитывают и медианную частоту. Расчет медианной частоты состоит в следующем: в рамках каждой отдельной категории k считают среднюю частоту изменения цен для каждого отдельного товара (или услуги), затем находят медианное значение по всем товарам (или услугам).

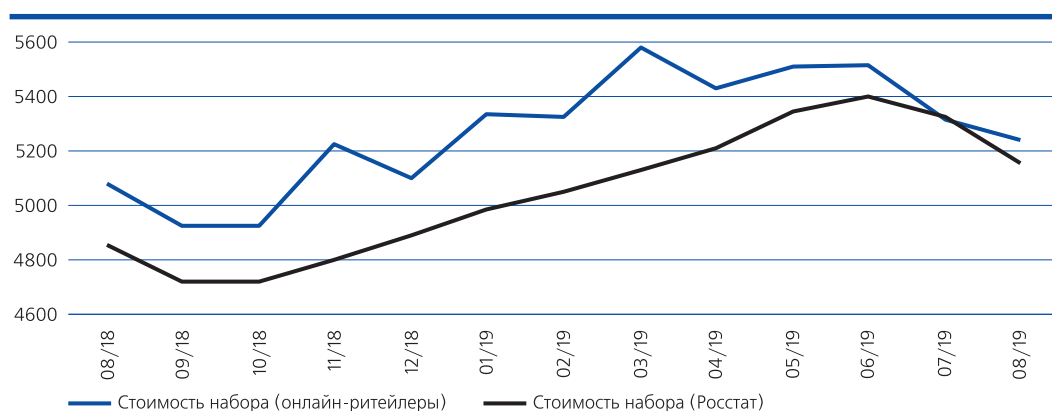
Зная среднюю частоту изменения цен, определяют средний период неизменности цен:

$$d_k = -\frac{1}{\ln(1 - \lambda_k)},$$

где d_k – средняя продолжительность периода неизменности цен в категории k ; λ_k – средняя частота изменения цен на товары (или услуги) в категории k . Расчет медианного периода неизменности цен отличается использованием медианной частоты вместо средней.

Применительно к исследуемому набору товаров/услуг средняя частота изменения цен

Рис. 1. Динамика стоимости условного (минимального) набора товаров по данным Росстата и онлайн-данным для г. Москвы, руб.

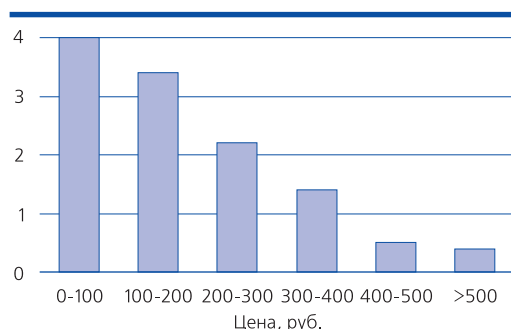

Источник: Росстат, расчеты автора.

на них составила 0,04, т.е. каждый день цены менялись в среднем на 4% товаров и услуг, что соответствует среднему периоду неизменности цен в 24,5 дня. Медианный период неизменности цен составил 38 дней, что сопоставимо с результатами аналогичного исследования [2] по рынку интернет-торговли США – 39,1 дня, но выше, чем в Италии (29,8 дня) или во Франции (23,6 дня). При этом на исследуемом наборе данных наблюдается значительная гетерогенность в частоте изменения цен среди отдельных категорий. Так, цены на сезонные продукты меняются чаще всего (средние частоты изменения цен для категорий «Морковь» и «Огурцы свежие» составляют 11,6 и 11,4% соответственно); реже меняются цены на непродовольственные товары, а цены на услуги обладают наименьшей частотой изменений. На определенные категории товаров/услуг неоднородность наблюдается и среди ритейлеров – так, в «Перекрестке» цены на сахар-песок остаются неизменными в среднем в течение 8 дней, тогда как в «Окее» – в течение 36.

В эмпирической литературе часто обнаруживается еще одна закономерность: чем дороже товар, тем реже меняется на него цена. Проверка показала, что такая закономерность не противоречит полученным данным. (См. рис. 2.)

Рис. 2. Зависимость средней частоты изменений цен от ценового диапазона, в %

Источник: расчеты автора.

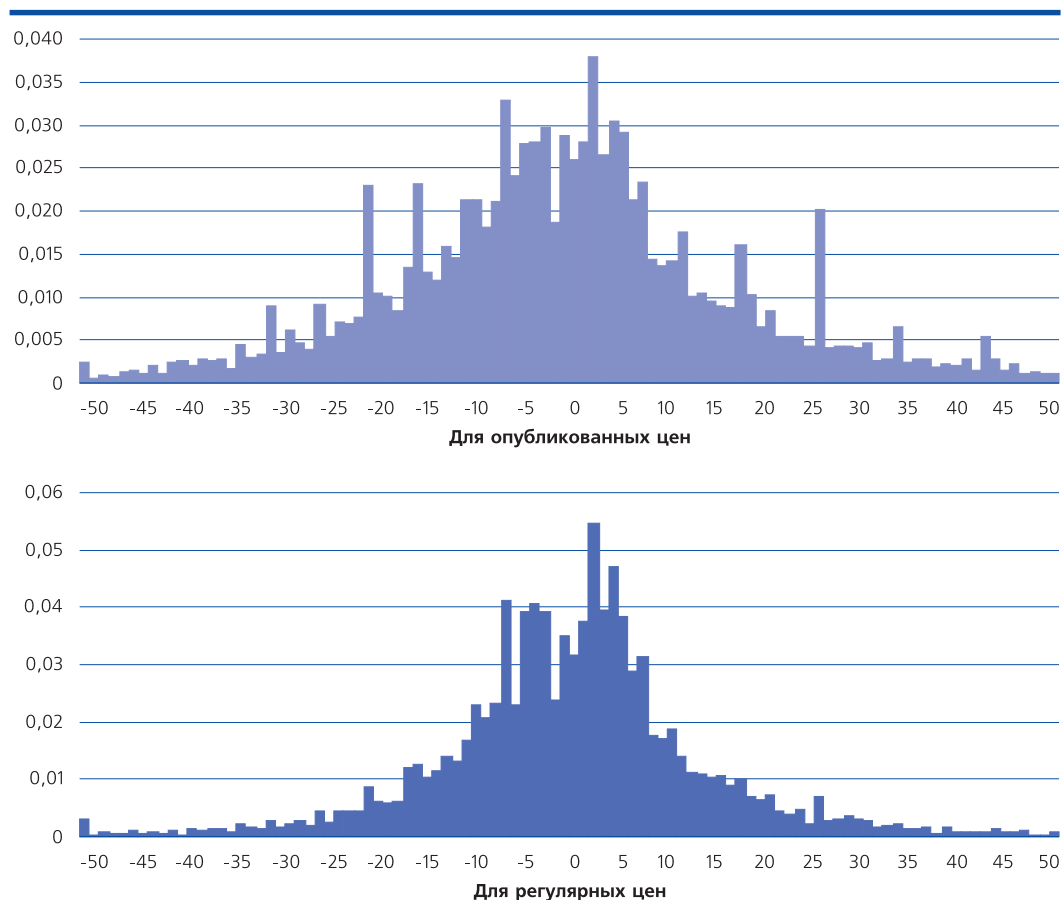
Помимо ответа на вопрос о том, как часто меняются цены, важно понять, на какую величину чаще всего происходят изменения цен. На рис. 3 представлено распределение изменений цен, причем отдельно для опубликованных и для регулярных. Из него видно, что средняя (медианная) величина абсолютных изменений опубликованных цен составляет 16,6% (10,4%) – ненамного выше, чем для регулярных цен – 13,32% (7,7%). Схожие результаты были получены в работе [3] на данных США: средний (медианный) размер абсолютных изменений опубликованных цен составил 14% (11,5%), регулярных – 11% (10%). Между тем средний (медианный) размер всех изменений составил 2,42% (-0,08%) для опубликованных и 2,74% (0,88%) для регулярных цен. Этот факт объясняется высокой долей снижения цен – 50,3% для регулярных и 47,2% для опубликованных.

Наконец, интерес представляет ответ на вопрос о том, насколько гипотеза издержек меню справедлива для рассматриваемого набора товаров и услуг. Согласно концепции издержек меню фирмы должны избегать изменений цен на малую величину, поскольку в таком случае выгоды от изменения оказываются ниже, чем издержки, связанные с этим изменением. В связи с этим менять цены на небольшую величину для фирм должно быть невыгодно и доля изменений около нуля должна быть незначительной.

На исследуемом наборе данных наблюдается высокое значение куртозиса (11 для распределения изменений опубликованных цен и 17 для регулярных), что свидетельствует о высокой степени сосредоточенности изменений около нуля. В то же время доля изменений цен ниже 1% по модулю составляет лишь 5,2% изменений опубликованных цен и 6,4% изменений регулярных, что косвенно подтверждает идею издержек меню. Исходя из этого можно предположить, что фирмы будут реагировать изменением цен лишь на существенные изменения в рыночной конъюнктуре.

Таким образом, несмотря на короткий период в рассматриваемом наборе данных,

Рис. 3. Распределение изменений цен, в %

Источник: расчеты автора.

большинство выявленных характеристик ценообразования не противоречит результатам, полученным в исследованиях по другим странам. По мере накопления наблюдений

удастся получить более точные сведения о том, какими особенностями обладает поведение цен на рынке онлайн-торговли в г. Москве. ■

Литература / References

1. Cavallo A. Scraped Data and Sticky Prices // *The Review of Economics and Statistics*. 2018. Pp. 105–119.
2. Klenow P., Kryvtsov O. State-Dependent or Time-Dependent Pricing: Does it Matter for Recent U.S. Inflation? // *The Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123. No. 3. Pp. 863–904.
3. Lunnemann P., Wintr L. Price Stickiness in the US and Europe Revisited: Evidence from Internet Prices // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2011. Pp. 593–621.
4. Nakamura E., Steinsson J. Five facts about prices: A reevaluation of menu cost models // *Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123. No. 4. Pp. 1415–1464.

Features of Price Setting Behavior in the Moscow E-Commerce Market

Alexey S. Evseev – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: evseev-als@ranepa.ru

This paper studies features of price setting behavior in the Moscow e-commerce market. We find that the median time between price changes of 38 days. This result is comparable to the findings of a similar study for the US e-commerce market (39.1 days), but higher than in Italy (29.8 days) or France (23.6 days). We also find that the frequency of price changes differs dramatically across goods as well as among retailers. Around 6.4% of regular price changes are smaller than 1% in absolute value, which indicates support for the concept of menu costs.

Key words: price setting, e-commerce market, menu costs, price changes.

Контрольно-надзорная деятельность

МОНИТОРИНГ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ГЛАЗАМИ ГРАЖДАН

В. Н. ЮЖАКОВ
Е. И. ДОБРОЛЮБОВА
А. Н. ПОКИДА
Н. В. ЗЫБУНОВСКАЯ

Совершенствование контрольно-надзорной деятельности — одна из ключевых мер по улучшению делового климата, предусмотренных Основными направлениями деятельности Правительства РФ до 2024 года. Ожидается, что реформирование государственного контроля (надзора) позволит, с одной стороны, обеспечить надежную защиту прав и законных интересов граждан, а с другой — сократить административные издержки на бизнес.

Результаты мониторинга, проведенного РАНХиГС в 2019 г., показывают: несмотря на то что граждане стали несколько лучше оценивать свою защищенность от рисков (угроз) по сравнению с уровнем 2018 г., такое улучшение пока слабо связано с успехами в области контрольно-надзорной деятельности. Напротив, граждане все реже отмечают деятельность органов государственного контроля как фактор своей безопасности и все чаще надеются на собственные силы и добросовестность производителей и поставщиков продукции при возникновении угрозы причинения вреда. Снижение востребованности контрольно-надзорных органов связано и с недостаточной результативностью их работы: более трети обращений граждан в органы государственного контроля заканчивается «отписками», а не реальными мерами по предотвращению, ликвидации или содействию в возмещении причиненного вреда.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, контрольно-надзорные органы, оценка, результативность, социологический опрос, эффективность.

Конечным результатом контрольно-надзорной деятельности государства (далее — КНД) является повышение уровня защищенности охраняемых законом общественно значимых ценностей (жизни, здоровья, имущества, законных прав и интересов граждан). Защищенность этих ценностей — общественное благо. Его бенефициарами являются все граждане.

Традиционно защищенность таких ценностей оценивается на основе показателей смертности, заболеваемости, уровня причинения ущерба в подконтрольных сферах. Однако данные показатели часто формируются сами-

ми «оцениваемыми» органами — они могут исказиться и не давать объективной картины. Кроме того, разобщенность одних и тех же рисков между несколькими ведомствами и уровнями управления (например, риска отравлений или риска причинения вреда окружающей среде) приводит к занижению реальных оценок уровня причинения вреда. На практике, по данным Минэкономразвития России, большинство федеральных контрольно-надзорных органов не используют показатели, характеризующие динамику уровня причинения вреда в соответствующих сферах, для оценки итогов своей деятельности¹.

Южаков Владимир Николаевич, директор Центра технологий государственного управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р философ. наук, профессор (Москва), e-mail: yuzhanov-vn@ranepa.ru; Добролюбова Елена Игоревна, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru; Покида Андрей Николаевич, директор Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. социол. наук (Москва), e-mail: pokida@ranepa.ru; Зыбуновская Наталья Владимировна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: nzybu@ranepa.ru

¹ Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля в соответствующих сферах

В 2018 г. на основе социологического опроса РАНХиГС впервые получила оценку гражданами их защищенность от основных групп риска. В среднем лишь 30% респондентов считают, что уровень защищенности от данных рисков достаточен (т.е. является очень высоким или скорее высоким). В 2019 г. был проведен социологический опрос, направленный на оценку динамики результативности КНД с позиции граждан, результаты которого будут приведены в дальнейшем. Было опрошено 2000 респондентов – совершеннолетних граждан в 35 субъектах РФ. Статистическая погрешность исследования составила 2,2%.

Результаты проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что в целом, несмотря на некоторую положительную тенденцию увеличения доли граждан, оценивающих уровень защищенности значимых для них ценностей с 30% в 2018 г. до 34,3% в 2019 г., большинство из них по-прежнему считают защищенность жизни, здоровья, имущества и иных исследуемых ценностей скорее низкой или очень низкой. Ни по одному из рисков, включенных в состав исследования, большинство респондентов не оценивают уровень своей защищенности как достаточный. При этом 56,7% опрошенных сталкивались за

Рис. 1. Уровень защищенности значимых для граждан охраняемых законом ценностей от основных рисков (угроз) по результатам опросов 2018 и 2019 гг., в %

* – Данные приведены в % от числа работающих граждан.

деятельности и об эффективности такого контроля (надзора) / Минэкономразвития России. 2018. URL: <http://ar.gov.ru/uploads/storage/17/b0/95d44c02cd94cbbbd53fa411dba73efa759a484.pdf>

последние два года с необходимостью защиты себя и (или) своих близких от основных видов рисков (угроз).

Большинство респондентов отметили отсутствие каких-либо изменений в уровне защищенности значимых для себя ценностей за последние два года. И хотя доля отметивших за предшествующий исследованию двухлетний период снижение защищенности от исследуемых рисков сократилась с 19,8% в 2018 г. до 15,1% в 2019 г., доля тех, кто считает, что ситуация улучшилась, за последние два года не изменилась и осталась на низком уровне (10,5% в 2019 г.). Таким образом, пока что реформа контрольно-надзорной деятельности не оказывает заметного влияния на повышение защищенности значимых для граждан охраняемых законом ценностей.

Данные опросов 2018 и 2019 гг. показали, что значимость деятельности контрольно-надзорных органов как фактора, обеспечивающего защищенность охраняемых законом ценностей от исследуемых рисков, снижается: если по итогам опроса 2018 г. 50,8% респондентов среди факторов, влияющих на уровень их защищенности, отметили деятельность контрольно-надзорных органов, то в 2019 г. — 42,5% респондентов.

Эта тенденция коррелирует со снижением частоты обращений в контрольно-надзорные

органы в случаях, когда граждане сталкиваются с теми или иными рисками (угрозами) причинения вреда значимым для них ценностям. Так, по данным опроса 2019 г., лишь 45,2% опрошенных, столкнувшихся с необходимостью защиты от рисков (угроз), обращались за такой защитой в соответствующие контрольно-надзорные органы; по итогам опроса 2018 г. — 50,7%. Однако снижение частоты обращений в контрольно-надзорные органы не означает, что граждане успешнее справляются с защитой от рисков (угроз), используя другие методы. При этом использование иных методов (например, обращение непосредственно к ответственному лицу организации, деятельность которой представляет риск (угрозу) причинения вреда (администрации магазина, аптеки, предприятия общественного питания, перевозчика и т.д.); обращение в общественные организации; обращение в страховую компанию за возмещением причиненного ущерба и т.д.) результативнее обращения в контрольно-надзорные органы, если речь идет о предотвращении угрозы причинения вреда, но менее действенно в случае, если вред уже был причинен и необходимо устранить нарушения и возместить ущерб.

Однако не всегда помогает и обращение в контрольно-надзорные органы. Так, по данным опроса 2019 г., лишь 46,5% респондентов

Рис. 2. Результаты обращения граждан в контрольно-надзорные органы за последние два года, в % от числа респондентов, обратившихся в контрольно-надзорные органы

тов, обращавшихся в контрольно-надзорные органы, получили содержательный ответ (т.е. «ответ, содержащий информацию о мерах по предотвращению и устранению нарушений, возмещению вреда (ущерба)») на свое обращение; более трети респондентов (34,5%) получили формальные ответы, фактически — «отписки». Только 44,7% респондентов, обращавшихся в контрольно-надзорные органы, добились полностью положительных результатов — предотвращения причинения ущерба либо полной ликвидации последствий происшедшего — устранения нарушений и возмещения вреда. (См. рис. 2.)

В данном контексте неудивительно, что сократилась и доля респондентов, обращавшихся в контрольно-надзорные органы и готовых посоветовать своим знакомым обращаться в данные органы в аналогичной ситуации: если в 2018 г. она составила 70,2%, то в 2019 г. — 64,3%. И лишь 19,3% респондентов, имевших опыт обращения в контрольно-надзорные органы, заявляют о повышении результативности их деятельности (в 2018 г. — 17,9%; данное изменение находится в пределах погрешности).

Среди приоритетных направлений повышения уровня защищенности значимых для граждан ценностей респонденты отмечают необходимость улучшения работы контрольно-надзорных органов (упрощения процедур рассмотрения обращений, рассмотрения их по существу и в более сжатые сроки — более 48% респондентов), а также повышения ответственности бизнеса за нарушение обязательных требований (35,8%) и обеспечение возмещения вреда во всех случаях, когда он был причинен (35,2%). При этом большинство граждан (71,5%) не готовы нести дополнительные расходы (в том числе приобретать более дорогие товары, уплачивать более высокие налоги и т.д.) за обеспечение повышения защищенности значимых для них ценностей.

Следует отметить, что государство уже сталкивалось с подобной ситуацией и успешно с ней справилось. Уровень защищенности значимых для граждан охраняемых законом ценностей от угроз (рисков) в их адрес сегодня сопоставим с уровнем удовлетворенности граждан качеством административных государственных услуг², выявленном на старте административной реформы в 2004/2005 гг., — тогда он составлял примерно 14%. Сегодня уровень удовлетворенности качеством предоставления таких государственных услуг достигает 90% от числа их получателей.

Необходимы разработка аналогичной программы, ориентированной на повышение уровня удовлетворенности граждан степенью их защищенности значимых для них охраняемых законом ценностей, увеличение доли отмечающих ее как достаточную с нынешних 34,3% до не менее 70%.

Что могла бы включать в себя эта программа?

Во-первых, более последовательную ориентацию контрольно-надзорной деятельности государства, связанной с защитой значимых для граждан охраняемых законом ценностей, а также осуществляющих эту деятельность контрольно-надзорных органов на повышение уровня защищенности этих ценностей, на улучшение оценки уровня их защищенности самими гражданами как конечными бенефициарами КНД.

С этой целью контрольно-надзорные органы должны добиваться того, чтобы граждане реально видели в них защитника значимых для них охраняемых законом ценностей. Для этого следует добиваться улучшения работы по обращениям граждан за защитой от рисков (угроз) значимым для них охраняемым законом ценностям, в том числе с точки зрения совершенствования процедур приема и рассмотрения обращений граждан, повышения оперативности взаимодействия с ними, исключения «отписок» и формальных ответов.

² Таких услуг, как известно, примерно 900 видов только на федеральном уровне. Их содержанием является подготовка и выдача гражданам и бизнесу документов, справок, устанавливающих или подтверждающих различные их права и статус. Они затрагивают практически всех граждан и весь бизнес.

Во-вторых, укрупнение в перспективе контрольно-надзорных органов по принципу «один укрупненный вид риска – один орган» (возможно, до семи-девяти органов), что позволит обеспечить целостную систему управления рисками в соответствующих сферах.

В-третьих, преобразование при этом органов контроля в органы защиты (обеспечения безопасности) значимых для граждан охраняемых законом ценностей, обеспечивающие полный набор мер такой защиты – от профилактики угроз и поддержки негосударственных инструментов и механизмов защиты охраняемых законом ценностей граждан до обеспечения возмещения причиненного ущерба.

В-четвертых, развитие при проведении «регуляторной гильотины» замещающих традиционный государственный контроль инструментов и механизмов защиты (обеспечения безопасности) значимых для граждан охраняемых законом ценностей. Для чего необходимо: обеспечение адекватной ответственно-

сти за нанесение ущерба (вреда) значимым для граждан охраняемым законом ценностям; обеспечение полноценного возмещения вреда (ущерба) значимым для граждан охраняемым законом ценностям; развитие негосударственных механизмов защиты значимых для граждан охраняемых законом ценностей (адекватная ответственность за нанесение ущерба (вреда)); страхование, в том числе ответственности; развитие ответственных саморегулируемых организаций бизнеса; развитие механизмов самозащиты граждан, включая защиту в судах с помощью «третьих лиц» и др.).

При этом механизмы обеспечения возмещения вреда не должны приводить к росту расходов населения – они должны быть реализованы за счет экономии бизнеса от снятия административных барьеров и отмены обязательных требований, нарушение которых не приводит к угрозе причинения вреда охраняемым ценностям в рамках проведения «регуляторной гильотины». ■

Government Supervision and Control Reform from the Public Viewpoint

Vladimir N. Yuzhakov – Director of Center for Public Management Technologies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow, Russia). E-mail: yuzhakov-vn@ranepa.ru

Elena I. Dobrolyubova – Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

Andrey N. Pokida – Director of Center for Social and Political Monitoring of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Sociological Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pokida@ranepa.ru;

Natalia V. Zybunovskaya – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: nzyb@ranepa.ru

Improving inspection and regulatory enforcement activities is a key measure for enhancing business climate outlined in the Main Directions for RF Government Activity till 2024. It is expected that control and enforcement reform would enhance the protection of citizens' lawful rights and interests on the one hand and reduce administrative burden on businesses – on the other.

The results of the monitoring conducted by RANEPa in 2019 suggest that despite the public perceptions of safety from the core risks has improved since 2018, such improvement has weak correlation with the inspection and regulatory enforcement reform. On the contrary, the citizens tend to rely on their own actions and the good will of producers and suppliers while the role of control and inspection bodies in ensuring public safety is diminishing. Decreased expectations from control and inspection bodies is also a result of low performance of such bodies: one in three requests to control and inspection bodies results in formal answers rather than real measures aimed at preventing, eliminating, and reimbursing the damage caused.

Key words: inspection and regulatory enforcement activities, control and inspection bodies, evaluation, effectiveness, sociological survey, efficiency.

Демографические процессы

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В 2018 г.*

Р. Р. ХАСАНОВА

Согласно итоговым данным за 2018 г. отмечаются позитивные тенденции по показателям продолжительности жизни, а также по снижению младенческой смертности. Однако рост числа умерших при продолжающемся сокращении числа родившихся усугубляет естественную убыль населения. Незначительное снижение показателя смертности мужского населения в возрасте 16–59 лет сопровождается ростом этого показателя у женщин (16–54 года). Сокращение смертности населения от болезней системы кровообращения, новообразований происходит одновременно с увеличением смертности от болезней органов пищеварения, эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы, психических расстройств и расстройств поведения.

Ключевые слова: продолжительность жизни, смертность, младенческая смертность, число родившихся, естественная убыль населения, причины смерти.

Число умерших в России в 2018 г. по сравнению с 2017 г. выросло на 2,8 тыс. человек, или на 0,2%, и составило 1828,9 тыс. человек. При этом абсолютный показатель смертности от внешних причин (ДТП, отравлений, утоплений, убийств и самоубийств и т.д.) снизился на 8,1 тыс., или на 5,3%, а от болезней — увеличился на 10,9 тыс., или на 0,7%. Общий коэффициент смертности в 2018 г. вырос на 0,8% и составил 12,5 на 1000 населения (в 2017 г. — 12,4‰). В то же время на динамику абсолютного показателя и общего коэффициента смертности оказывают влияние изменения возрастной структуры населения России (увеличение доли пожилых людей в населении сказывается и на росте числа умерших).

В 2018 г. продолжительность жизни населения России составила 72,9 года: 67,8 года у мужчин и 77,8 года у женщин. По сравнению с 2017 г. показатель вырос на 0,2 года: у мужчин — на 0,24 года, у женщин — на 0,18 года. Увеличение продолжительности жизни населения произошло в большей степени за счет сниже-

ния смертности на селе — +0,29 года (в городе — +0,18 года).

Региональный разрыв в продолжительности жизни в 2018 г. вырос и составил 18,8 года (в 2017 г. — 15,5 года). Максимальный показатель ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении в 2018 г. наблюдался в республиках Ингушетия (82,4 года), Дагестан (78,7 года), в Москве (77,8 года). Минимальная продолжительность жизни отмечена в Чукотском автономном округе (63,6 года), Республике Тыва (66,5 года), Еврейской автономной области (68,6 года).

Рост регионального разрыва ОПЖ произошел в результате значительного увеличения смертности в регионе с низким уровнем продолжительности жизни: в Чукотском автономном округе (территория с минимальным показателем ОПЖ) показатель продолжительности жизни в 2018 г. снизился на 2,5 года. Сокращение продолжительности жизни населения по сравнению с 2017 г. наблюдалось в 20 регионах. (См. рис. 1.) Максимальный рост ОПЖ отмечен в рес-

Хасанова Рамиля Рафаэлевна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: khasanovarr@gmail.com

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 15 (98) (октябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

публиках Саха (Якутия) (на 1 год – до 72,7 года в 2018 г.), Хакасия (на 0,9 года – до 71,15 года), Дагестан (на 0,9 года – до 78,7 года), в Краснодарском крае (на 0,88 года – до 74,3 года).

Рост продолжительности жизни мужского населения связан со снижением смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения, органов дыхания, внешних причин. (См. рис. 2.) В то же время расчет стандартизованного показателя (в качестве стандарта принята возрастная структура населения 2017 г.) по причинам смерти демонстрирует рост коэффициента смертности от болезней органов пищеварения и прочих причин у мужчин. Смертность мужского населения от новообразований осталась на уровне 2017 г.

Росту продолжительности жизни женского населения в 2018 г. способствовало снижение смертности от новообразований, болезней системы кровообращения, органов дыхания, внешних причин. Однако у женщин увеличилась смертность от инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов пищеварения, прочих причин смерти.

Продолжается рост смертности от болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы, психических расстройств и расстройств поведения.

Возрастные коэффициенты смертности демонстрируют более детальную картину. Младенческая смертность в 2018 г. по сравнению с 2017 г. снизилась на 9% и составила 5,1 случая на 1000 рожденных живыми.

Коэффициент смертности в трудоспособном возрасте (здесь и далее: 16–54/59 лет) в 2018 г. относительно предыдущего года сократился на 0,5% и был равен 481 случаю на 100 тыс. населения соответствующего возраста. Доля умерших в трудоспособном возрасте составила 21,5% от общего числа умерших. Основными причинами смерти в трудоспособном возрасте являются болезни системы кровообращения (30,5% умерших в трудоспособном возрасте в 2018 г.), внешние причины смерти (24,2%) и новообразования (15,3%).

Смертность в данной возрастной группе значительно различается по половому признаку – у мужчин она заметно выше. Сравнение

Рис. 1. Продолжительность жизни населения в регионах России в 2018 г. по сравнению с 2017 г.

Источник: данные Росстата.

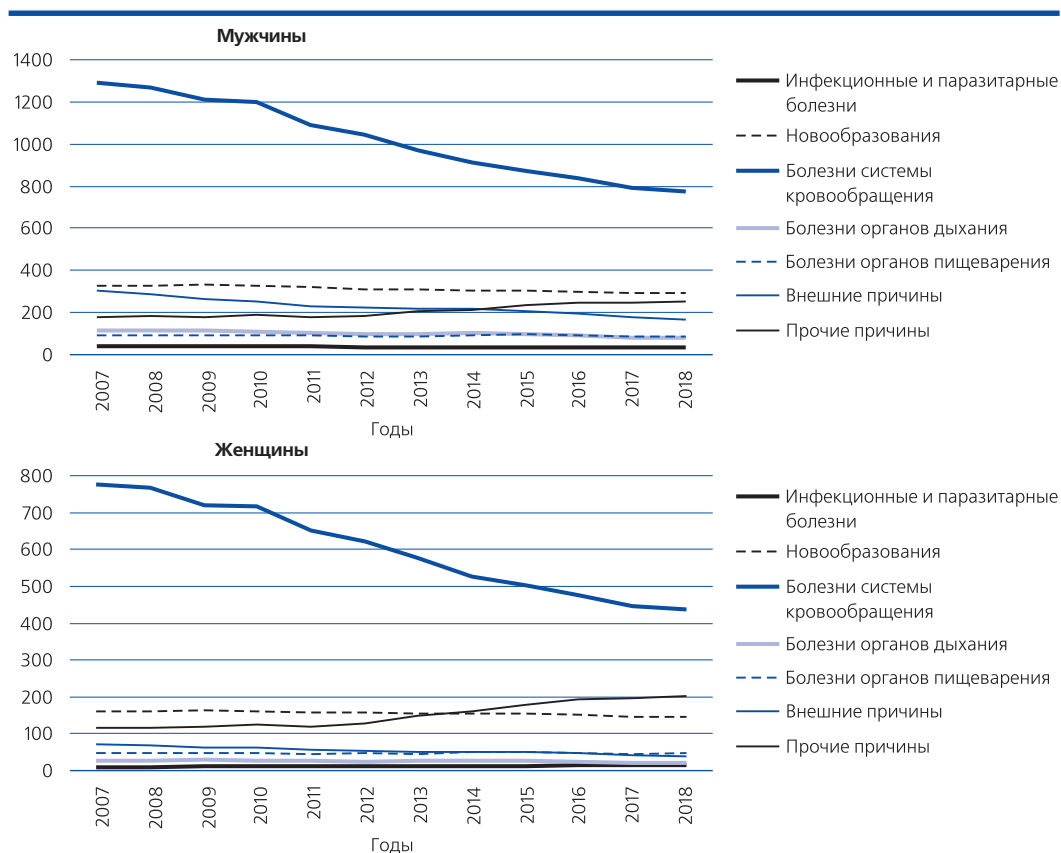
данных 2017 и 2018 гг. обнаруживает сокращение смертности мужского населения в трудоспособном возрасте – коэффициент снизился на 0,9% (727,2 случая на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола). Однако аналогичные показатели смертности женщин выросли на 0,7% (210,8).

Структура причин смерти в трудоспособном возрасте также различается по гендерному признаку. У мужчин наибольший вклад в смертность вносят болезни системы кровообращения (236,4 случая на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола), внешние причины (188), новообразования (95,5), про-

чие причины (69,3). Основными причинами смертности женщин являются новообразования (49,5 случая на 100 тыс. населения соответствующего возраста и пола) и болезни системы кровообращения (48,3). Обе причины вносят практически одинаковый вклад в смертность женщин в возрасте 16–54 года.

Снижение коэффициента смертности мужчин в возрасте 16–59 лет связано с уменьшением показателей смертности от инфекционных и паразитарных болезней, новообразований, болезней органов дыхания, внешних причин смерти. Смертность мужского населения в трудоспособном возрасте от болезней сис-

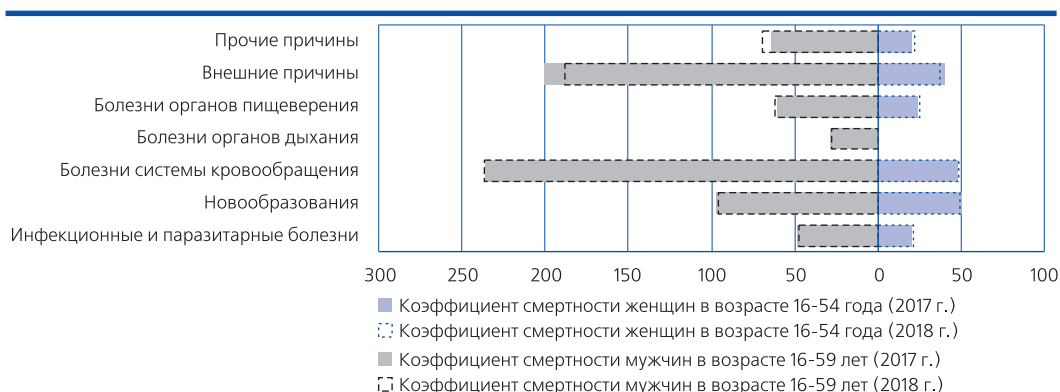
Рис. 2. Стандартизованный коэффициент смертности населения России по причинам смерти – по полу – в 2008–2018 гг., на 100 тыс. населения*

* – За стандарт принята возрастная структура населения 2017 г.

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Рис. 3. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным причинам смерти – по полу – в 2017 и 2018 гг., на 100 тыс. населения соответствующего пола и возраста

Источник: данные Росстата.

темы кровообращения осталась на уровне 2017 г., а от болезней органов пищеварения и прочих причин смерти – повысилась соответственно на 3 и 8%. (См. рис. 3.)

Рост показателя смертности женского населения в возрасте 16–54 года связан с увеличением смертности от инфекционных и паразитарных болезней (на 3%), болезней системы кровообращения (на 1%), болезней органов дыхания (на 6%), пищеварения (на 6%), прочих причин смерти (на 9%).

Смертность населения в трудоспособном возрасте существенно различается по регионам России. Региональный разрыв в коэффициенте смертности населения в трудоспособном возрасте (16–54/59 лет) в 2018 г. составил

813 на 100 тыс. населения. К регионам с максимальным уровнем смертности в возрасте 16–54/59 лет относятся Чукотский автономный округ (955 на 100 тыс. населения соответствующего возраста), Кемеровская область (704), республики Тыва (683) и Карелия (678), Магаданская (663), Иркутская (655), Амурская и Псковская (654) области. Минимальные значения показателя отмечены в республиках Ингушетия (142 на 100 тыс. населения соответствующего возраста) и Дагестан (166), Чеченской Республике (166), Кабардино-Балкарской Республике (284), Москве (315), Карачаево-Черкесской Республике (327), Ямало-Ненецком автономном округе (360), Республике Северная Осетия–Алания (370). ■

Life Expectancy and Mortality Rate in 2018

Ramilya R. Khasanova – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: khasanovarr@gmail.com

According to aggregated data for 2018, positive tendencies have been observed with regard to life expectancy rates as well as to reduction of infant mortality. However, growth of diseased along decrease of births exacerbates natural decline in the population. A slight decrease in the male mortality rate aged 16–59 is accompanied by growth of this rate in females (16–54). Reduction of mortality from diseases of the circulatory system, neoplasms occurs simultaneously with an increase of mortality from diseases of the digestive system, endocrine system, eating disorders and metabolic disorders, nervous system, mental disorders and behavior disorders.

Key words: life expectancy, mortality rate, infant mortality rate, number of newborns, natural population decline, causes of death.

Регионы

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2019 г.: РОСТ ДОХОДОВ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ*

А. Н. ДЕРЮГИН

Быстрое увеличение собственных доходов консолидированных бюджетов регионов в условиях низких темпов роста экономики не могло сохраняться долго. И такой перелом не заставил себя ждать: после роста на 22,6% по итогам первых четырех месяцев 2019 г. увеличение налоговых и неналоговых доходов регионов в мае-июле составило лишь 1,4% и до конца года, вероятно, будет оставаться на низком уровне. Рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за первые семь месяцев 2019 г. к соответствующему периоду 2018 г. составил 10,9%, что выше уровня инфляции и несколько ниже темпов роста бюджетных доходов. Положительный прирост расходов наблюдался в 80 регионах, а в 70 из них прирост расходов превысил инфляцию за аналогичный период.

В свою очередь, замедление темпов роста доходов регионов до конца года будет оказывать сдерживающее влияние на их расходные обязательства. Хорошие показатели общей сбалансированности региональных бюджетов способствовали дальнейшему сокращению средней долговой нагрузки субъектов РФ, которая составила 21,5% от объема доходов регионов, вернувшись к уровню 2009–2012 гг. Тем не менее у средне- и низкообеспеченных регионов она примерно в два раза превышает данный уровень.

Ключевые слова: бюджеты регионов, доходы бюджетов регионов, расходы бюджетов регионов, государственный долг регионов, бюджетные кредиты, банковские кредиты.

Доходы

По итогам января-июля 2019 г. общий объем доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. вырос на 12,6%, что выше темпов инфляции за тот же период. Основными источниками роста доходов стали: налог на прибыль организаций — рост поступлений по нему составил 20,3% (это объяснялось увеличением прибыли в сферах, не связанных с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, и прежде всего — в торговле, транспорте, электроэнергетике, строительстве и операциях с недвижимостью); акцизы (20,0%); налоги на совокупный доход (14,4%).

Несколько медленнее росли межбюджетные трансферты от других бюджетов (на 12,4%), неналоговые доходы (на 11,1%), НДФЛ

(на 9,1%). Налог на имущество организаций составил 96,5% от уровня за сопоставимый период 2018 г., что связано главным образом с освобождением с начала 2019 г. движимого имущества от обложения данным налогом.

В 81 субъекте РФ доходы консолидированного бюджета за первые семь месяцев 2019 г. превысили уровень соответствующего периода прошлого года. Отрицательные темпы роста доходов в Калужской области (99,7% от прошлогоднего уровня), Республике Хакасия (89,3%) и Республике Саха (99,7%) обусловлены высокими темпами роста в них доходов в январе-июле 2018 г. Лишь Республика Ингушетия (93,9%) третий год подряд показывает низкие темпы роста бюджетных доходов.

Третий год подряд наблюдается рост дифференциации собственных доходов «богатых» и «бедных» регионов. Так, темпы роста налого-

Дерюгин Александр Николаевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Москва), e-mail: derugin@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 14 (97) (сентябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

вых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов высокообеспеченных (13 субъектов РФ, не получающих в 2019 г. выравнивающих дотаций), среднеобеспеченных (41) и низкообеспеченных (31) регионов за первые семь месяцев 2019 г. по отношению к аналогичному периоду 2018 г. составили соответственно 114,0, 111,0 и 107,2%. Данная тенденция свидетельствует о том, что система стимулов, заложенная в соглашениях о нецелевой финансовой помощи регионам, не приводит к сокращению дифференциации регионального развития.

В условиях низких темпов роста российской экономики, а также жесткой бюджетной политики показатели исполнения региональных бюджетов с начала года выглядели более чем оптимистично. Очевидно, что в отсутствие макроэкономических оснований для роста доходной базы такая ситуация не могла продолжаться долго. Высокие темпы роста бюджетных доходов в январе-июле 2019 г. были характерны для начала года: по итогам первых четырех месяцев рост составлял 22,6%, а в последующие три месяца — всего лишь 1,4%. Исходя из этой тенденции можно предположить, что в самое ближайшее время ожидается завершение периода, продолжавшегося с начала 2018 г., когда рост бюджетных доходов регионов существенно опережал рост экономики.

Расходы

Рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в январе-июле 2019 г. к соответствующему периоду 2018 г. составил 10,9%, что выше уровня инфляции и несколько ниже темпов роста бюджетных доходов.

Положительный прирост расходов наблюдался в 80 регионах, а в 70 из них прирост расходов превысил уровень инфляции за тот же период. Лидерами роста стали г. Севастополь (141,5% от соответствующего уровня прошлого года) и Чукотский автономный округ (136,0%), а лидерами снижения — Республика Мордовия (80,3%), стремящаяся сократить свой огромный государственный долг, респуб-

лики Хакасия (93,8%) и Ингушетия (97,3%), столкнувшиеся с низкими темпами роста текущих доходов, а также Республика Алтай (97,4%), низкие показатели которой связаны с высокой базой предыдущего года.

Сокращение государственного долга положительно отразилось на расходах на его обслуживание, в результате чего их доля в структуре расходов по итогам первых семи месяцев 2019 г. снизилась до 0,9%, достигнув семилетнего минимума для данного периода. Несколько сократились (на 1,1%) также расходы на охрану окружающей среды, что обусловлено их высоким уровнем за соответствующий период 2018 г. (См. таблицу.)

Сильнее всего выросли расходы на ЖКХ (на 20,2%) и средства массовой информации (на 19,9%). В целом, несмотря на определение новых приоритетов в государственной бюджетной политике, сформулированных в президентском Указе от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также реализацию национальных проектов, приведших к изменению структуры финансовой помощи регионам (увеличение целевой составляющей), структура бюджетных расходов последних пока очень незначительно отличается от структуры их расходов за первые семь месяцев 2017 г.

Замедление темпов роста доходов субъектов РФ до конца 2019 г. не сможет не сказаться на динамике их расходов. Так, в мае-июле расходы также замедлили свой рост, составив 8,9% после 12,7% по итогам первых четырех месяцев. В условиях сильного замедления роста поступлений налоговых и неналоговых доходов регионы будут и дальше сокращать темпы роста расходов, стремясь сохранить сбалансированность бюджетов.

Сбалансированность региональных бюджетов и государственный долг

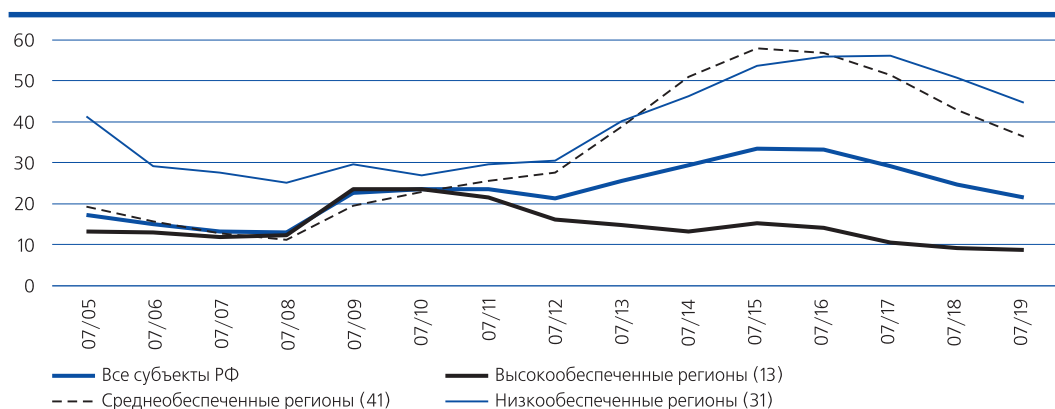
Общее улучшение сбалансированности региональных бюджетов способствовало снижению их государственного долга, который к концу

Функциональная структура и динамика расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, в %

	Структура расходов			Прирост	
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г./ 2017 г.	2019 г./ 2018 г.
Расходы – всего	100,0	100,0	100,0	21,7	10,9
Общегосударственные вопросы	6,2	6,4	6,3	23,7	10,2
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1,0	1,1	1,0	26,9	7,7
Национальная экономика	17,8	17,7	17,7	21,3	11,3
в том числе:					
сельское хозяйство и рыболовство	2,6	2,2	2,0	-7,0	1,6
транспорт	4,5	4,5	4,1	10,4	1,0
дорожное хозяйство (дорожные фонды)	6,7	6,8	6,9	25,4	12,4
прочие вопросы в области национальной экономики	4,0	4,2	4,7	45,6	25,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	8,4	7,8	8,5	22,7	20,2
Охрана окружающей среды	0,2	0,3	0,3	46,5	-1,1
Образование	27,8	28,3	28,0	22,5	9,6
в том числе:					
дошкольное образование	7,4	7,6	7,5	23,4	10,0
общее образование	13,7	13,8	13,9	23,1	10,9
среднее профессиональное образование	2,2	2,2	2,2	20,7	8,4
прочие вопросы в области образования	4,4	4,6	4,4	20,1	5,7
Культура и кинематография	3,6	3,9	3,8	26,3	7,2
Здравоохранение	7,8	8,1	8,1	26,8	10,5
Социальная политика	22,8	22,6	22,6	20,5	10,9
Физическая культура и спорт	2,4	2,3	2,3	15,8	10,5
Средства массовой информации	0,5	0,4	0,5	30,2	19,9
Обслуживание государственного и муниципального долга	1,5	1,1	0,9	-23,8	-5,6

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

Динамика отношения государственного долга субъектов РФ к их налоговому и неналоговому доходам, в %

Источник: рассчитано по данным Минфина России и Федерального казначейства.

июля 2019 г. составил 2,0 трлн. руб., сократившись на 8,6% с начала года и на 6,6% — с конца июля 2018 г. С июля 2018 г. по июль 2019 г. государственный долг сократился у 67 субъектов РФ, а вырос — у 18. С начала года лидерами по снижению его общего объема стали Краснодарский край (29,6 млрд. руб.), Нижегородская (12,2 млрд. руб.) и Свердловская (12,0 млрд. руб.) области, а лидерами роста — Республика Саха (7,0 млрд. руб.), Хабаровский край (3,0 млрд. руб.) и Калужская область (1,2 млрд. руб.).

В результате средняя долговая нагрузка субъектов РФ уменьшилась до 21,5%¹, вернувшись к уровню 2009–2012 гг. (См. рисунок.)

Впрочем, произошло это в значительной степени благодаря сокращению долговой нагрузки высокообеспеченных субъектов РФ, которая и так невелика (8,7%), в то время как у средне- и низкообеспеченных регионов она

остаётся существенно выше — соответственно 36,5 и 44,8%. Высокая же долговая нагрузка, превышающая 100% налоговых и неналоговых доходов, сохранилась лишь у Республики Мордовия (222,6%), в то время как три года назад таких субъектов было 9.

В конце июля 2019 г. в структуре государственного долга регионов по-прежнему преобладали бюджетные кредиты, доля которых составила на 31.07.2019 г. 49,6% общего объема госдолга, немного снизившись по сравнению с концом июля 2018 г. (51,7%). Соответственно, доля более дорогих в обслуживании ценных бумаг (26,6%) и кредитов кредитных организаций (20,4%) выросла. В условиях отказа от предоставления новых бюджетных кредитов, а также реструктуризации долга по выданным ранее, процесс плавного замещения бюджетных кредитов на коммерческий долг будет наблюдаться и в дальнейшем. ■

Regional Budgets for January-July 2019: Growth of Revenues Shifts into Low Gear

Alexander N. Deryugin — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher of the Gaidar Institute (Moscow, Russia). E-mail: deryugin@ranepa.ru

Fast increase of regional consolidated budgets amid low economic growth rates could stay for long. And such turning points was not slow in coming: following 22.6% growth as of first four months of 2019, increase of tax and non-tax regional revenues registered in May-July came to barely 1.4% and most likely will remain low till the end of the year. Despite the shift of priorities in the state budgetary policy the structure of the regional budgets expenditures for the first 7 months of 2019 does not practically change from the corresponding period of 2017. In its turn, deceleration of regional growth rates through the year-end will exercise downward pressure on the growth of their expenditure obligations.

Solid performance of the regional budgets balance facilitated further contraction of the average debt burden of RF subjects which constituted 21.5% of the regional revenues volume returning to the 2009–2012 level. Nevertheless, average and low income regions report twice as high debt burden.

Key words: consolidated budgets revenues, consolidated budgets expenditures, regional budgets, corporate profits tax, personal income tax, public debt.

¹ Определяемая как отношение объема государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта Российской Федерации.

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2019 г.: СОЧЕТАНИЕ РОСТА, СТАГНАЦИИ И СПАДА*

Н. В. ЗУБАРЕВИЧ

В январе-июле 2019 г. при подъеме промышленности, в основном за счет ресурсодобывающих территорий и отраслей, и слабом росте потребления наиболее существенными проблемами оставались уровень доходов населения и объем инвестиций, которые снизились более чем в половине регионов. Жилищное строительство выходило из кризиса, прежде всего в крупнейших агломерациях и на Юге, но на Дальнем Востоке здесь продолжался спад. Значительно повысились доходы бюджетов подавляющего большинства субъектов РФ благодаря росту поступлений по налогу на прибыль и трансфертов, что позволило увеличить расходы на экономику и социальную сферу. Опережающий рост расходов на ЖКХ обеспечен прежде всего Москвой, тратящей значительные средства на благоустройство. Региональное неравенство продолжало усиливаться, особенно в инвестициях, зарплате и доходах бюджетов.

Ключевые слова: регионы РФ, социально-экономическое положение регионов, бюджеты регионов.

В российских регионах растет промышленное производство (2,6% в январе-июле 2019 г. относительно того же периода предыдущего года). Лидерами здесь были нефтегазодобывающие Ямало-Ненецкий автономный округ (на 22%) и Республика Саха (Якутия) (на 11%), а также регионы со специализацией на ВПК (Тульская и Брянская области — более чем на 14%). Среди федеральных округов по темпам роста промпроизводства лидировал Дальний Восток (6%) — основной вклад в повышение показателя в данном округе внесли Якутия и Приморский край. Спад наблюдался только в 13 регионах, наиболее сильный — в Архангельской области (-15%). Среди остальных регионов с отрицательной динамикой производства треть составляют республики, где промышленность развита слабо.

Восстанавливается жилищное строительство (рост в январе-июле 2019 г. на 7% к аналогичному периоду предыдущего года): это следствие бума ипотечного кредитования, начавшегося с 2017 г. Из регионов с большими объемами жилищного строительства лучшую динамику показала Москва (рост в 2,2 раза), в основном за счет освоения новых территорий; при этом ввод жилья в Московской области

сократился на 2%. Ввод жилья в Татарстане вырос на 17%. Еще одна группа лидеров — регионы Юга (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края — рост на 12–14%). Наихудшая динамика показателя наблюдалась на Дальнем Востоке (-8%); продолжалось его падение в Приморском крае (-6%), вводящем больше всего жилья в округе. Доля Дальнего Востока во всем вводе жилья в России сократилась до 2,7%. Для того чтобы она росла, нужно не только снижение ставки по ипотеке для дальневосточников до 2%, но и миграционный приток населения, пока же сальдо миграции в этом округе остается отрицательным.

Торговля, инвестиции, зарплатy, доходы

Рост номинальной заработной платы (7% в первом полугодии 2019 г. относительно того же периода предыдущего года) выглядит существенным, но реальная зарплата (с учетом инфляции почти в 5%) выросла незначительно. (Отметим, что заработная плата измеряется Росстатом по крупным и средним предприятиям и организациям, а в малом бизнесе и в неформальной экономике она существенно ниже.) Рост номинальной заработной платы в Москве

Зубаревич Наталья Васильевна, главный научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р геогр. наук, профессор (Москва), e-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

* — Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 15 (98) (октябрь 2019 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

(9,6%) превышал среднюю динамику по стране. Столичная зарплата в первом полугодии 2019 г. вдвое превышала среднюю по стране, в полтора раза — зарплату в С.-Петербурге, почти на 70% — в Московской области, несколько уступая двум автономным округам Крайнего Севера с большими северными надбавками к зарплате — Ямало-Ненецкому и Чукотскому.

В зоне между ростом и стагнацией находился оборот розничной торговли, увеличившийся в январе-июле 2019 г. в годовом выражении на 1,6%. Причем незначительный рост показателя наблюдался почти повсюду; небольшой спад (на 1% и менее) был отмечен только в 10 регионах. Более заметное увеличение оборота розничной торговли в Московской области (почти на 5%) обусловлено расширением сетевой торговли: область перетягивает часть московских потребителей, особенно в дачный сезон. Агломерационные преимущества «работают» и в Ленинградской области (рост розничной торговли на 4%).

В зоне стагнации в первом полугодии 2019 г. находились инвестиции — их рост в этот период составил в годовом выражении 0,6% (в рамках статистической погрешности). Региональная динамика сильно поляризована — на нее влияют агломерационные и ресурсные конкурентные преимущества. Среди регионов со значительным объемом инвестиций они быстрее всего росли в Ямало-Ненецком автономном округе (23%), Москве и Московской области (19–20%). Столичная агломерация получила в январе-июне текущего года почти 20% всех инвестиций в стране, а Тюменская область с автономными округами — 14%. Рост инвестиций в Сибирском федеральном округе (на 13%) отмечался почти во всех его регионах, однако доля округа в общем объеме инвестиций в России относительно невелика — 10%.

В половине субъектов РФ объем инвестиций сокращался, особенно существенно — в Северо-Западном федеральном округе (-9%), в том числе из-за негативной динамики С.-Петербурга (-21%), и еще сильнее — в Южном (-27%), что связано с завершением строитель-

ства инфраструктуры Крымского автомаоста и, как следствие, падением инвестиций в Республике Крым на 40% и в Краснодарском крае — на 30%. Федеральный бюджет остается главным инвестором в Крым и Севастополь (71 и 61% от всех инвестиций в эти регионы соответственно). Несущественно сократились инвестиции в Приволжском федеральном округе (-3%), где отрицательная динамика наблюдалась в 2/3 регионов, включая Татарстан, и в Дальневосточном, где самое сильное сокращение было отмечено в Якутии (-20%). Доля Дальнего Востока во всех инвестициях в стране составила 8% — она ниже, чем в период подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г. (9%).

В отрицательной зоне — динамика реальных располагаемых доходов населения: в первом полугодии 2019 г. относительно января-июня 2018 г. они сократились на 1,3% в целом по России. (По регионам Росстат измеряет реальные доходы населения, в которых не учитываются растущие обязательные платежи, в том числе платежи по кредитам.) Реальные доходы в целом по стране сократились только на 0,4%, но продолжали снижаться в 44 субъектах РФ и в большинстве федеральных округов, за исключением Уральского и Дальневосточного.

Доходы, расходы, долги

С учетом проблемной социально-экономической динамики консолидированные бюджеты регионов более благополучны: за первые семь месяцев 2019 г. их доходы выросли относительно аналогичного периода предыдущего года в среднем почти на 13% (см. рисунок), в том числе в Москве — на 17%. Регионы с максимальным ростом доходов (на 25–31%) делятся на две группы — со значительно возросшими поступлениями налога на прибыль (Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край, Мурманская область) и с резким ростом трансфертов (г. Севастополь и Чукотский автономный округ); в Амурской области быстрый рост доходов обеспечили оба этих источника. Отрицательная динамика доходов была зафиксирована только в республиках

Ингушетия и Хакасия — на их динамику повлияло сокращение трансфертов.

Еще быстрее в рассматриваемый период увеличивались поступления налога на прибыль (на 20%). Среди регионов, в которых налог на прибыль вносит большой вклад в доходы бюджета, самыми высокими темпами его роста наблюдались в Ямало-Ненецком автономном округе (81%), Мурманской области (75%), Красноярском крае (68%), Республике Коми (47%), Пермском крае, Тюменской и Астраханской областях (33–38%). Поступления налога на прибыль сократились в 13 регионах, особенно чувствительным было это сокращение для бюджетов Башкортостана (-28%), Якутии (-26%), Ханты-Мансийского автономного округа (-12%) и Липецкой области (-13%).

Поступления НДС выросли на 9%. Падение поступлений НДС наблюдалось только в Тюменской области и Республике Хакасия. На Москву пришлось 21% доходов всех регионов, а также 27% поступлений налога на прибыль и НДС в бюджеты всех регионов.

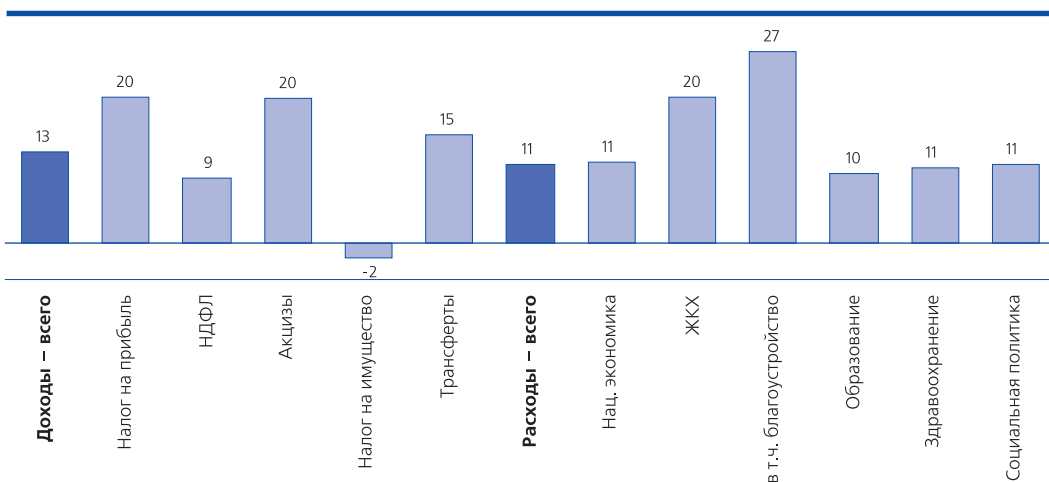
На доходы бюджетов регионов влияли также решения центральной власти. В 2019 г. в бюджеты субъектов РФ стал полностью посту-

пать акциз на нефтепродукты, поэтому рост акцизов в региональных бюджетах составил 20% и отмечался практически всюду. Одновременно у территорий отобрали налог на движимое имущество — в результате поступления от него сократились на 2%, что зафиксировано более чем в половине регионов. Потери были частично компенсированы за счет трансфертов, однако это нестабильный источник.

Значительный (на 15%) рост трансфертов регионам в январе-июле 2019 г. в годовом выражении во многом обусловлен увеличением финансирования нацпроектов и компенсационными выплатами за утрату налога на движимое имущество. Помимо этих причин заметна роль субъективных и геополитических факторов: трансферты Севастополю увеличились на 31%, Чукотскому автономному округу — в 1,5 раза, уровень дотационности этих субъектов составил соответственно 52 и 67%. Увеличились на 18% трансферты Чечне, у которой уровень дотационности сверхвысок — 81%.

Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ выросли за первые семь месяцев текущего года относительно того же периода предыдущего на 11%. Быстрее всего росли рас-

Динамика доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов в январе-июле 2019 г., в % к аналогичному периоду 2018 г.

Источник: Росстат.

ходы в Севастополе (41%), Чукотском автономном округе (36%), Сахалинской области (32%) и Татарстане (27%). Сократили расходы только пять республик: Мордовия – на 20%, Хакасия – на 6%, а Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Алтай – на 1–3%. В Мордовии происходит жесткая оптимизация всех расходов для снижения очень высокой долговой нагрузки, в Хакасии она проводится более мягко.

Динамика расходов по социальным статьям и на экономику схожа с общим ростом расходов (см. рисунок), хотя региональные различия здесь велики. В среднем быстрее росли расходы на ЖКХ – они увеличились почти в 3/4 субъектов РФ. Возросшие доходы бюджетов помогли расплатиться с долгами по жилищно-коммунальным услугам и немного нарастить средства, направляемые на благоустройство. Однако есть более значимый фактор опережающего роста таких расходов: на Москву приходится 42% расходов всех регионов на ЖКХ – в столице они выросли на 24%. В структуре столичных расходов на ЖКХ 81% составляют расходы на благоустройство: в январе-июле 2019 г. они увеличились к тому же периоду предыдущего года на 36% и составили более 15% всех расходов столичного бюджета.

Проблема дефицита бюджетов регионов в январе-июле 2019 г. стала менее острой – в этот период он был зафиксирован только в 12

территориях; самый большой дефицит был зарегистрирован в Республике Якутия и Еврейской автономной области (10–11% к доходам бюджета). К концу года проблемных регионов будет больше, но эти цифры не критичны по сравнению с 2013–2015 гг., когда дефицит наблюдался в 75–77 регионах.

Постепенно смягчается и долговая проблема: объем суммарного долга регионов и муниципалитетов сократился с января по сентябрь 2019 г. почти на 11%. Объем долга увеличился только в 14 регионах, сильнее всего – в республиках Калмыкия и Ингушетия и в Еврейской автономной области (на 13–16%). Расчетное отношение суммарного долга регионов и муниципалитетов к годовым налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета региона снизилось с 24% в начале года до 20% в начале сентября. Критическая долговая нагрузка сохраняется в Республике Мордовия (долг в 1,9 раза превышает собственные доходы бюджета), хотя размер долга сократился с начала года на 5%. В зоне высокого долга остаются Костромская (долговая нагрузка 87%), Орловская (81%), Смоленская (77%) области, Республика Хакасия (83%), но все они немного сократили долг – в отличие от Еврейской автономной области (82%), Чукотского автономного округа (79%) и Курганской области (73%), где он продолжал расти. ■

Russian Regions in January-July 2019: Mix of Growth, Stagnation and Slump

Natalia V. Zubarevich – Main Researcher of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Geographic Sciences, Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

In January-July 2019, amid the upturn in industry driven mainly by resource-producing territories and sectors and weak growth in consumption the most serious problems were still the level of households' incomes and the volume of investments which fell in more than a half of regions. The housing development was getting out of the crisis, primarily, in large metropolitan areas and in the south of the country, while the recession continued in the Far East. Most regions saw growth in their budget revenues owing to an increase in profit tax revenues and transfers, which made it feasible to raise expenditures on the economy and social services. Advanced growth in expenditures on housing and public utilities was underpinned mainly by Moscow which spent a huge amount of funds on urban land improvement. The inequality between regions kept growing, particularly, as regards investments, wages and budget revenues.

Key words: RF regions, socio-economic situation of regions, regional budgets.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru> Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21,
факс: +7 (495) 697-88-16

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru> Email address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Mass media registration certificate № FS77-46259 of 17.08.11

Publishing Department: Head – Nina Glavatskaya, Phone: +7 (495) 629-43-21,

Fax: +7 (495) 697-88-16